

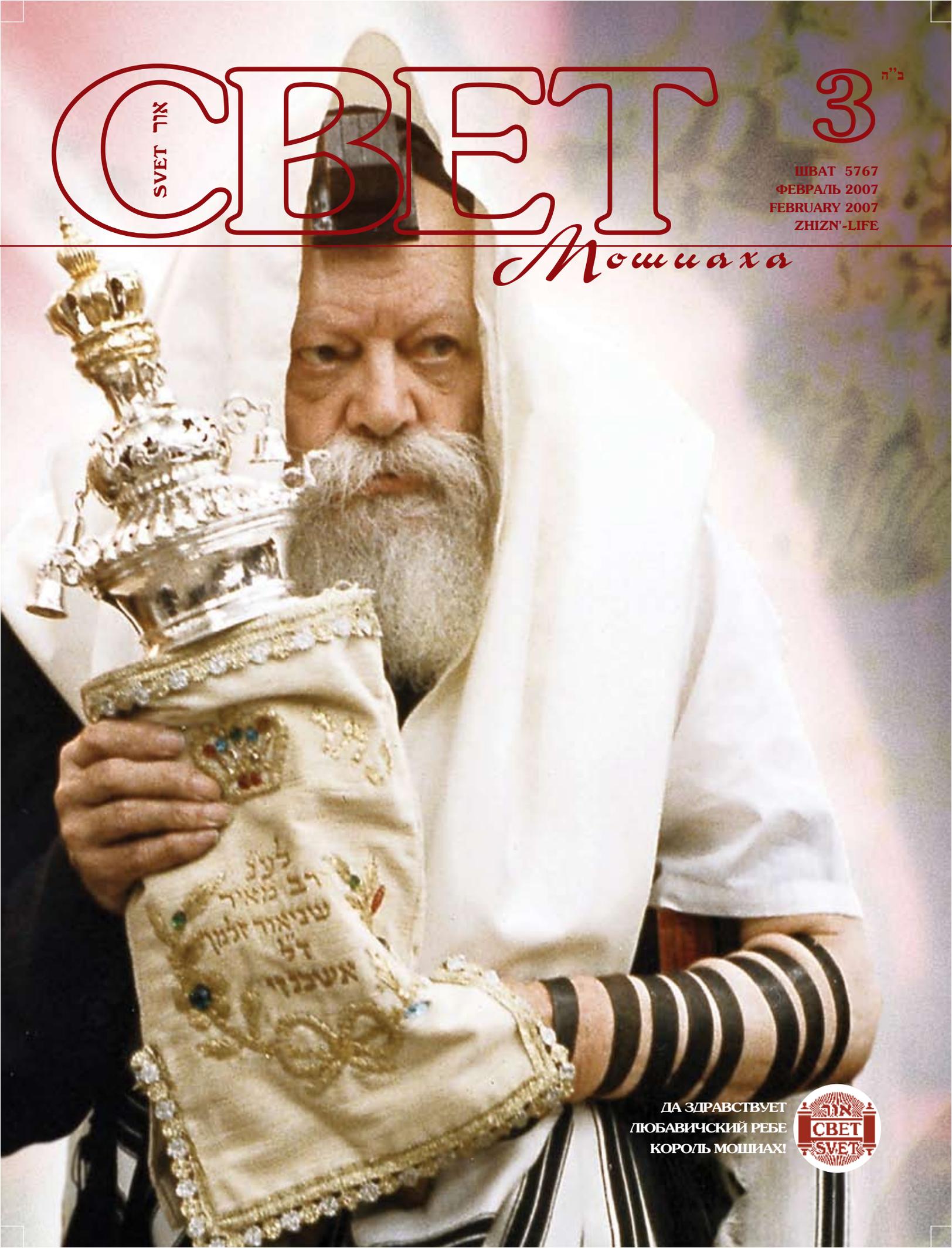
SVET

SVET 71X

3 ב"ה

ШВАТ 5767
ФЕВРАЛЬ 2007
FEBRUARY 2007
ZHIZN'-LIFE

Мошиах

ДА ЗДРАВСТВУЕТ
ЛЮБАВИЧСКИЙ РЕБЕ
КОРОЛЬ МОШАИХ!

Главный редактор:
раввин МОШЕ-ХАИМ ЛЕВИН
Редактор:
раввин НАФТОЛИ ЭСТУЛИН
Литературный редактор:
ЭЛИ ЭЛКИН
Корректор:
СОФИЯ АРЛОЗОРОВ
Дизайн и графика:
ХАЯ-ЗОЯ ЯНКОВСКАЯ
Администратор:
ЙЕГУДИС ЭЛКИНА

**Адрес издательства
«СВЕТ МОШИАХА»**

НЬЮ-ЙОРК
SVET Moshiach
605 Ocean Parkway, Brooklyn,
NY 11218
Тел.: 718-854-0006
Факс: 718-871-6955
E-mail: svet@moshiach.com

ЛОС-АНДЖЕЛЕС
Chabad Russian Immigrant
Program and Synagogue
7636 S. Monica Blvd.,
Los Angeles,
CA 90046
Тел.: (323) 848-2999
**Executive Director –
Rabbi Naftoli Estulin**

ИЗРАИЛЬ
Kiryat-Malakhi
Chabad, 144/21
70900
Тел. 972-8-850-1627
E-mail:
svet_moshiacha@yahoo.com

Печатается в Израиле
© «Свет Мошиаха»
Использование материалов
и их перепечатка
только с разрешения
издательства

ZNIZN-LIFE (ISSN #1060-4278)
is published monthly
by the Chabad Russian
Immigrant Program and Synagogue,
7636 S. Monica Blvd.,
Los Angeles, CA 90046
**regular subscription price is
\$36 per year
senior citizens: \$18 per year.**
Periodicals postage paid
at Los Angeles,
California and additional entry point.
POSTMASTER send address
change to ZHIZN-Life
7636 S. Monica Blvd.,
Los Angeles, CA 90046
Phone (323) 848 2999

Почти сразу же после выхода из печати первого номера, редакция журнала «Свет Мошиаха» получила письмо от Любавичского Ребе с поздравлениями и пожеланиями успеха:

*«С Б-жьей помощью
13 Хешвана 5734 г. Бруклин, Нью-Йорк*

*Мир и благословение!
Я был очень рад получить ваше письмо и первый номер вашего журнала.
От всей души поздравляю вас с этим начинанием. Также желаю, чтобы Всевышний дал
вам силы продолжать работу по распространению Торы посредством этого журнала...
Желаю успеха и надеюсь и впредь слышать от вас добрые вести.*

*С благословением
М.М. Шнеерсон»*

*(«Letters From The Rebbe», собрание писем Ребе, написанных на английском языке, том 6-й, стр.
105, изд-во «Otzar Sifrei Lubavitch», 5765 (2005) г.)*

С РЕДАКТОРСКОГО СТОЛА

ПЕРЕВОРОТ	3
ЛЕТОПИСЬ ХАБАДА	
СВИТОК ТОРЫ ДЛЯ КОРОЛЯ М.Быстрицкий	4
СЛОВА, ИДУЩИЕ ИЗ СЕРДЦА	
ЛЮБОВЬ? из писем Ребе	7
СВЕТИТЬ ВСЕГДА, СВЕТИТЬ ВЕЗДЕ!	
ЗОНА ПОВЫШЕННОЙ ДЕТСКОЙ АКТИВНОСТИ М. и С.Миллеры	8
ПОСЛАННИКИ	
КАК СЛУЧИЛОСЬ ТО, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С.Алтер, Б.Хейн	10
ДОРОГА В ЛЮБАВИЧИ	
СПАСЕННЫЙ ДВАЖДЫ З.Голдин	13
ПЕРЕСЕЧЕНИЕ	
НА СЕМИДЕСЯТИ ЯЗЫКАХ	14
ФАРБРЕНГЕН	
НЕНУЖНЫЙ ПРАЗДНИК Х.Фридман	16
ВЕТВИ ХАСИДСКОЙ МЕНОРЫ	
УЧИТЕЛЬ РЕБЕ (ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ) Ребе РАЯЦ	18
ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ	
ВОЛЧОНОК ИТРО (ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ) Э.Люксембург	21
ЛЮБОПЫТНО, ОДНАКО!	
БАЛЛАДА О БРОШЕННОМ КОРАБЛЕ Ш.Лугов	24
ИСКРЫ ЕВРЕЙСКОЙ ДУШИ	
ВИТРАЖНЫХ ДЕЛ МАСТЕР М.Розенберг	25
ПО ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ	
КРУГ ЗАМКНУЛСЯ	26
ЖИЗНЬ С РЕБЕ	
СЕРЕБРЯНАЯ ЧАША ДЛЯ ПРОРОКА М.Шварц	27

	7 ШВАТА (26 января)		14 ШВАТА (2 февраля)		21 ШВАТА (9 февраля)		28 ШВАТА (16 февраля)	
	Зажиг.	Исход	Зажиг.	Исход	Зажиг.	Исход	Зажиг.	Исход
ИЕРУСАЛИМ	16:27	17:46	16:34	17:52	16:40	17:58	16:46	18:04
ТЕЛЬ-АВИВ	16:50	17:48	16:57	17:54	17:03	17:59	17:09	17:05
ХАЙФА	16:48	17:46	16:55	17:52	17:01	17:58	17:08	17:04
ЭЙЛАТ	16:54	17:50	17:00	17:56	17:06	18:01	17:12	18:06
НЬЮ-ЙОРК	16:47	17:50	16:56	17:58	17:04	18:06	17:13	18:14
ЛОС-АНДЖЕЛЕС	16:59	18:01	17:06	18:08	17:13	18:15	17:19	18:21
ТОРОНТО	17:02	18:07	17:11	18:15	17:21	18:24	17:30	18:33
МОСКВА	16:51	17:52	16:46	18:06	17:01	18:19	17:16	18:33

После зажигания свечей произносятся:

**БОРУХ АТО А-ДЭЙ-НОЙ Э-ЛО-ХЭЙНУ МЭЛЭХ КОЙЛОМ АШЕР НИДШОНУ БЭМИЦЕЙСОВ ВЭЦИВОНУ
ЛЕХАДЛИК НЭЙР ШЕЛ ШАББОС КЭЙДЭШ**

ПЕРЕВОРОТ

Полвека тому назад, встав во главе хасидов ХАБАДА, Ребе сотряс мир. Трудно сказать, что происходило в высших мирах, но внизу началась буря. Услышав первое публичное выступление нового Ребе, хасиды были потрясены развернутыми перед ними горизонтами. Оказывается, нынешнее поколение удостоилось величайшей миссии – превратить мир в жилище для Б-га, вернуть на землю Б-жественное присутствие.

Ни перед одним из предшествующих поколений не стояла задача такого уровня и масштаба. Но для ее выполнения необходимы были новые силы и новое мышление. И Ребе, не ограничиваясь одними лишь выступлениями, развернул бурную деятельность. За очень короткий период (каких-то 10-15 лет) свет Торы и заповедей, свет хасидизма достиг самых отдаленных уголков земного шара. Одно за другим стали исполняться пророчества Торы о грядущем Освобождении и предсказания Ребе относительно признаков эры Мошиаха. Ребе постоянно держал руку на пульсе планеты, чувствуя и осознавая, что бурлящий и кипящий мир может спасти сейчас только Тора.

События достигли своего пика в 5751 (1991) г. 28 Нисана, почти сразу же после праздника Песах, Ребе выступил с речью, которая произвела настоящий переворот в умах и сердцах.

«...После того, как уже столько было сделано ради Освобождения (особенно – в наши дни), невозможно объяснить, почему, вопреки всем обстоятельствам, мы не добились прихода Мошиаха?!.. – буквально кричал Ребе. – Почему, когда собираются вместе десять (и во много раз больше) евреев, которые знают, что нынешнее время – самое благоприятное, чтобы просить об Освобождении, они, тем не менее, не кричат и не требуют Мошиаха?! Для них уже – в порядке вещей, упаси Б-г, что Мошиах не придет ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра!.. И даже когда эти евреи кричат: «Ад мосай!» («Сколько же можно ждать?»), они делают это только потому, что им так приказали, а не от души, не из самых глубин своего сердца!..»

«Что же я еще должен сделать, чтобы все сыны Израиля начали кричать и требовать от всего сердца полного Освобождения?! – спрашивал Ребе у притихшей толпы. – Неужели все, что было сделано до этого, не возымело ни малейшего эффекта?! Ведь изгнание продолжается! И самое страшное – продолжается изгнание души в каждом из нас!..»

«Единственное, что я еще могу сделать, это передать решение вопроса в ваши руки: сделайте все, что в ваших силах и даже выше ваших сил, чтобы привести Мошиаха немедленно и самым что ни на есть реальным образом! – подвел Ребе итог сказанному. – Дай Б-г, чтобы нашлись, в конце концов, десять евреев, которые будут упрямы настолько, что смогут добиться от Всевышнего исполнения обещанного, и, конечно же, Он не ос-

танется безучастным. Я сделал свою работу. Теперь дело за вами...»

Люди были оглушены, потрясены, растеряны, подавлены. Никогда прежде никто не слышал ничего подобного – из уст Ребе! Мысли и чувства, переполнявшие разум и сердце каждого, были разными, но все без исключения понимали – события вошли в критическую фазу, еще немного – и момент будет упущен. Какие события и какой момент – трудно было сформулировать словами. Ребе требовал действий. И эти действия были предприняты.

Наиболее разумное решение на тот момент принял раввин Давид Нахшон из Израиля. У него возникла идея издать раввинское постановление о том, что Любавичский Ребе Менахем-Мендл Шнеерсон является Королем Мошиахом и обязан раскрыть себя в этом качестве немедленно. И тогда, согласно Торе, утвержденное снизу обязаны будут утвердить Свыше.

«...На протяжении тысячи лет, - говорилось в постановлении, - еврейский народ был рассеян по всему миру и подвергался страданиям и гонениям выше всякой меры. Все сроки изгнания уже вышли и каждый из нас уже готов к истинному и полному Освобождению, которое вот-вот принесет нам наш праведный Мошиах... Сотни тысяч евреев – мужчин, женщин и детей – верят полной верой, что только Ребе, да продлятся годы его жизни, наделен силой вывести народ Израиля из изгнания, что только он является последним Освободителем. И сейчас, когда все пророчества Ребе осуществились в полной мере, мы издаем раввинское постановление о том, что время Освобождения наступило и, следовательно, Ребе должен раскрыть себя как Король Мошиах без каких бы то ни было задержек, самым что ни на есть реальным образом, в этом физическом мире, немедленно...»

В течение нескольких дней это постановление было подписано серьезными, авторитетными раввинами – Шмуэлем Ашкенази, Леви Быстрицким, Гедальей Аксельродом, Гершоном Гореликом, Йеудой-Калманом Марловым, Авраамом Осдобой и Иосефом Геллером. Кроме того, раввин Нахшон составил отдельную декларацию, где говорилось, что все нижеподписавшиеся принимают на себя полную и абсолютную власть Ребе как Короля Мошиаха, и под этим подписались более 250 человек.

Тексты постановления и декларации были переданы Ребе. Ответ не заставил себя долго ждать: «Получил переданные мне материалы, за что чрезвычайно признателен. Начатое дело следует продолжать не снижая активности, поскольку время для этого уже прошло...»

Свиток Торы для КОРОЛЯ

МЕНАХЕМ БЫСТРИЦКИЙ

Чудом вырвавшись из охваченной огнем войны Польши и чудом же перебравшись через океан, Предыдущий Любавичский Ребе Йосеф-Ицхак Шнеерсон прибыл, наконец, в США. Здесь, на другом конце земного шара, вдалеке от воя сирен, взрывов и браваурных немецких маршей, Ребе мог позволить себе короткий отдых, который ему был просто необходим. Но он предпочел закрыть глаза на относительно сытое американское благополучие и с энтузиазмом взялся за работу по распространению Б-жественности.

В те годы для большинства американских евреев цели и смысл Любавичского Движения были далеки и чужды. Америка была страной с иными обычаями, иной духовной атмосферой. Ассимиляция набирала рост, деньги решали все. Начинать нужно было буквально с нуля. Ребе пришлось разъезжать по Соединенным Штатам, доказывать, объяснять. На его выступления приходила молодежь, не получившая религиозного воспитания. Зов сердца влек их к истинной еврейской жизни без надуманных «облегчений», и они становились учениками Ребе.

Постепенно в Америке появились йешивы и начальные школы по изучению Торы. Последователи Ребе, в свою очередь, стали учителями и воспитателями в отдаленных общинах. Ребе работал, не покладая рук, учреждая издательства и библиотеки, выпуская журналы и книги, публикуя статьи, ведя обширную переписку, принимая ежедневно десятки людей, создавая и руководя организациями по еврейскому воспитанию и распространению сокровищницы мысли Талмуда... Письма, послания, статьи и книги Ребе пробудили американское еврейство от долгой спячки, в стране начала пульсировать жизнь Торы.

И вот, в 5702 (1942) г. – как гром среди ясного неба – прозвучало четкое указание Ребе: как можно скорее приступить к написанию свитка Торы «для встречи нашего праведного Мошиаха».

За океаном бушевала война, страны Европы одна за другой капитулировали перед мощной германской военной машиной, тысячи евреев шагали в печи и газовые камеры, зло торжествовало победу, и вдруг - «для встречи нашего праведного Мошиаха»!.. Что и говорить, распоряжение Ребе звучало странно и даже вызывающе. Но кто еще смог бы почувствовать тогда истинное дыхание времени? «В наши дни, - писал Ребе, - мир трепещет, мир содрогается в муках рождения Мошиаха, ибо поджег Всевышний стены изгнания...» Готовиться к встрече Мошиаха нужно было прямо сейчас, и Ребе, как никто другой, знал об этом.

К написанию свитка Торы приступили 2 Ияра этого же года.

...Всю Тору, какой мы ее знаем, от первой до последней буквы, включая малые и большие буквы в тексте Торы и даже знаки над буквами, с самого начала и до самого конца, — всю ее показал Всевышний Моше на горе Синай начертанной черным огнем по белому огню. Именно с этого прообраза Моше перенес Тору на клаф — специально обработанную кожу. Сам Всевышний читал Моше текст Торы, а тот записывал его. Таким образом, Моше знал непосредственно из Первоисточника, как должна читаться Тора, а благодаря огненному прообразу — как она должна быть записана.

Эта первая запись Торы, осуществленная Моше, и стала первым свитком Торы в истории еврейского народа. «Повелел Моше левитам, носящим Ковчег Завета Б-га, сказав: «Возьмите эту Книгу Учения и положите ее у стенки Ковчега Завета Б-га, Всесильного вашего, и да будет она там у тебя свидетельством» («Дварим» (31:25)). Моше написал еще двенадцать таких же свитков и вручил каждому из двенадцати колен Израиля, обучив их законам написания: общим правилам и их деталям, а также тайным аспектам всего, что касается Торы, ее букв и их сочетаний, ее слов и их соединений, ее стихов и их группировок на главы и книги.

Именно с этих свитков Торы переписчики святых текстов последующих поколений делали копии, с величайшим трепетом и вниманием следя за тем, чтобы, не дай Б-г, не совершить ошибку и не допустить, чтобы новый свиток отличался от оригинала даже одной-единственной буквой или знаком.

В дальнейшем, по прошествии тысячелетий народ Израиля постигли величайшие беды, был разрушен Храм, Ковчег Завета был скрыт от человеческих глаз, и исчезли первые свитки Торы. Но всегда, во все времена существовало несколько проверенных экземпляров, при помощи которых можно было проверить остальные. На сегодняшний день мы можем быть твердо уверены в том, что свиток Торы в той или этой синагоге в точности

совпадает со свитком Торы Моше, и нет в нем ни малейшего отличия от первого свитка, который был изготовлен Моше под руководством Всевышнего на основе оригинала, записанного черным огнем по белому огню.

...В силу различных причин написание свитка Торы «для встречи Мошиаха» было прервано и завершено лишь через 28 лет.

Общеизвестно, что случайностей и совпадений не бывает. Не был случайным и этот неожиданно затянувшийся перерыв. Процедуру написания продолжил зять и преемник рабби Йосефа-Ицхака рабби Менахем-Мендл Шнеерсон, нынешний Любавичский Ребе.

3 Швата 5730 (1970) г. на одном из фарбренгенов Ребе объявил о том, что написание свитка Торы, писать который начали еще при Предыдущем Ребе, должно быть завершено в течение нескольких последующих дней. Ребе сказал: «По понятным причинам я хотел бы, чтобы свиток Торы, в написание которого мой тесть вкладывал особый смысл, был полностью завершен к двадцатилетию того дня, когда он покинул наш мир. В Иерусалимском Талмуде сказано о Шимшоне: «В одном стихе мы читаем: «И был он судьей над Израилем сорок лет», а другой говорит: «И был он судьей над Израилем двадцать лет». Отсюда мы учим, что филистимляне боялись его еще двадцать лет после того, как он умер, так же, как они боялись его на протяжении тех двадцати лет, когда он был жив». Свиток Торы будет завершен в пятницу после полудня, как можно ближе ко дню 10-го Швата, который в этом году выпадает на субботу, так же, как это было в тот год, когда мой тесть покинул этот мир»...

Приобрести собственный свиток Торы — одна из важнейших заповедей Торы. «Тот, кто напишет свиток Торы сам, достоин похвалы, — пишет Рамбам в своем фундаментальном труде «Сефер а-мицвот». — Говорят наши мудрецы: «Тому, кто написал для себя свиток Торы, зачитывается это, как если бы он получил Тору на горе Синай». А если

человек не может написать свиток сам, он обязан его приобрести или попросить кого-либо написать свиток для него... Так говорят наши мудрецы: «Сказал Рава: «Даже хотя кому-то и остался от отцов свиток Торы, это заповедь для него написать свой собственный, как сказано: «А теперь напишите себе песнь эту». Спросил Абайе: «Обязан ли король, чтобы не возвеличивать себя посредством свитка своих отцов, написать свиток Торы от своего имени? Только король, но не простолюдин!» Ответили ему: «В данном случае должны быть два свитка Торы». Иначе говоря, различие между королем и простым человеком здесь в том, что второму следует иметь один свиток Торы, а первому — два».

Спустя десять лет, в 5741 (1981) г. Ребе призвал к тому, чтобы все еврейские дети, пока еще не достигшие совершеннолетия, объединились участием (через посвящение букв) в написании специального свитка Торы в Иерусалиме, и к тому, чтобы дети, живущие по ту сторону «железного занавеса», тоже в этом участвовали. После того, как возле Стены Плача было завершено написание первого свитка, Ребе тут же отдал распоряжение приступить к написанию следующего. Через год Ребе призвал всех евреев — и мужчин, и женщин — объединиться «единством истинным и вечным», приобретя буквы в «совместных» свитках Торы, которые должны быть написаны в их заслугу и согласно обычаю их общин (то есть, стиль написания букв согласно ашкеназскому, сефардскому или йеменскому обычаю или согласно Аризало и т.д.). Затем Ребе дал указание руководителям йешивы «Томхей Тميمим» немедленно приступить к написанию свитка Торы для самих студентов, а также для тех, кто поддерживает йешиву, и для их семей. Ту же директиву он направил руководителям школы «Бейт Ривка», объясняя, что написание свитка Торы — последняя из 613-и заповедей, и некоторые из мудрецов связывают ее с завершением изгнания. В этом же году Ребе

ОСОБЫЕ ДАТЫ МЕСЯЦА ШВАТ:**3 ШВАТА 5597 (1837) г.**

– Третий Любавичский Ребе Цемах-Цедек впервые напечатал труд Алтер Ребе «Тора Ор»

6 ШВАТА 5571 (1811) г.

– свадьба ребецин Дворы-Леи, дочери Мителер Ребе, и рабби Яакова-Исроэля из Черкас, сына рабби Мордехая из Чернобыля

9 ШВАТА 5730 (1970) г.

– завершение написания свитка Торы Мошиаха в «Се-вен Севенти»

10 ШВАТА 5674 (1914) г.

– йорцайт ребецин Ривки, супруги рабби Шмуэля, Четвертого Любавичского Ребе

10 ШВАТА 5710 (1950) г.

– йорцайт Предыдущего Любавичского Ребе Йосеф-Ицхака Шнеерсона

10 ШВАТА 5711 (1951) г.

– Любавичский Ребе Менахем-Мендл Шнеерсон, Король Мошиах, становится во главе хасидов ХАБАДа

13 ШВАТА 5702 (1942) г.

– йорцайт ребецин Штерны-Сары, супруги Пятого Любавичского Ребе Шолом-Довбера и матери Предыдущего Любавичского Ребе Йосефа-Ицхака Шнеерсона

22 ШВАТА 5748 (1988) г.

– йорцайт ребецин Хаи-Мушки, дочери Предыдущего Любавичского Ребе Йосеф-Ицхака Шнеерсона и супруги Любавичского Ребе Менахем-Мендла Шнеерсона

24 ШВАТА 5648 (1888) г.

– йорцайт ребецин Мену-хи-Рохл Слоним, дочери Второго Любавичского Ребе Довбера (Мителер Ребе)

распорядился написать особый свиток Торы, объединяющий (через посвящение букв) всех еврейских солдат, защищающих Эрец-Исроэль.

Нет никаких сомнений в намерениях Ребе, который желал, чтобы каждый еврей приобрел для себя собственный свиток Торы. Что касается самого Ребе, то история написания его свитка Торы началась еще до того, как он встал во главе хасидов ХАБАДа. И написание этого свитка было завершено в тот самый памятный день, накануне десятого Швата 5730 (1970) г.

...В этот день синагога «Се-вен Севенти» была переполнена. В 14:30 вошел рабби Элиягу Симпсон со свитком Торы в руках. За ним шел Ребе, который держал коробку с короной для свитка Торы. Ребе сел в кресло, и свиток Торы положили на стол рядом с ним. Ребе объяснил связь между кануном субботы и завершением написания свитка Торы Мошиаха. Затем Ребе попросил рабби Шмуэля Левитина прочитать вслух двадцатую главу из Теилим. Собранные стих за стихом повторяли святые слова.

Затем начали петь нигуним Любавичских Ребе. После этого рабби Шмарьягу Спектор вписал в свиток Торы последние буквы.

На свиток Торы надели бархатный чехол, после чего Ребе возложил на свиток золотую корону. Затем Ребе взял свиток Торы в руки, стал под раскрытый над ним свадебный балдахин и, окруженный хасидами, которые несли зажженные свечи, направился к Ковчегу. Подойдя к Ковчегу, Ребе поцеловал свиток Торы и бережно поставил его вовнутрь.

...Кроме этого свитка Торы, унаследованного от тестя, у Ребе есть еще один маленький свиток. История его написания точно не известна. Есть версия, что этот свиток был написан еще в СССР, а затем, разделенный на листы, по частям тайно перевезен несколькими людьми в США, специально для Ребе.

Так или иначе, но слова мудрецов относительно приобретения еврейским королем двух свитков Торы удивительно точно подходят к Ребе.

Любовь?..

из писем Ребе

С Б-жьей помощью
Канун праздника Суккот
Бруклин, Нью-Йорк

Мир и благословение

Я получил Ваше срочное письмо, и хотя сейчас канун праздника и не самое подходящее время для переписки, я все же коротко отвечаю Вам ввиду исключительной важности вопроса и Вашего вполне понятного беспокойства. Показывать это письмо Вашей сестре или передать ей его содержание на словах – Вы должны решить сами.

Брак между еврейкой и неевреем, равно как и брак между евреем и нееврейкой, – величайшая из трагедий, и не только с религиозной точки зрения. Это также нельзя воспринимать как нечто личное, касающееся лишь данного человека, ибо такой поступок оказывает влияние на весь еврейский народ. Существует лишь несколько презреших, затрагивающих не только того, кто согрешил, но и весь народ в целом. Смешанный брак, да убережет Б-г, – одно из них.

Помимо прочего, такое действие противоречит законам элементарной честности. Ведь это абсолютно нечестно по отношению друг к другу, с какой бы стороны ни подойти к этому вопросу, и это так же нечестно по отношению к своим ближним, которые желают близкому и любимому им человеку только счастья.

Общеизвестно, что даже брак между людьми со схожим наследием, схожими взглядами на жизнь, со схожим жизненным опытом сопряжен с определенным риском из-за проверки на последующую совместимость. Возможно, они знали друг друга еще до свадьбы, но все равно нет никакой гарантии в том, что их взаимоотношения останутся такими же после. Ведь дружба перерастает в более близкие отношения, и супруги находятся под одной крышей 24 часа в сутки – день за днем, неделя за неделей.

Тем более это верно в том случае, когда наследие, взгляды на жизнь и образ мышления абсолютно разные, и отличие это корнями уходит на много-много поколений назад и, значит, является глубоким и вечным. Здесь шансы на совместимость ничтожно малы, если вообще они существуют. И уж тем более это так, когда отличие это берет свое начало в постоянном антагонизме, ненависти и вражде одной стороны по отношению к другой, что подтверждается многочисленными погромами и преследованиями евреев в каждой стране, где им пришлось жить на протяжении двух последних тысячелетий. Кроме того, если даже подходить к этой проблеме с научной точки зрения, то современная наука открыто признает влияние наследственного фактора на характер человека; в частности, если то или иное качество было присуще его предкам на протяжении тысячелетий и глубоко в них укоренилось.

Таким образом, если человек по-настоящему честен, – в самом простом смысле этого слова, – то он не станет вступать с другим человеком в союз, который обречен изначально. Если любовь каждого из них действительно направлена в первую очередь на своего партнера, то они, конечно же, не станут причинять друг другу страдания и с готовностью жертвуют мимолетным и преходящим удовольствием ради того, чтобы не допустить неизбежного крушения чувств. В противном случае, эта любовь мнима и по сути своей эгоистична.

Более того, если от такого союза родятся дети, это лишь усугубит положение. Ведь тогда придется принять во внимание страдания детей, которые станут свидетелями постоянных трений между родителями, что еще хуже. Не стоит подробно останавливаться на этом полном боли вопросе.

Разумеется, я знаком с "аргументом" о том, что число смешанных браков довольно велико, и большинство из них – вполне удачны и даже крепки. Но неужели необходимо упоминать о том, что многие женатые пары зачастую на людях пользуются маской счастливой женитьбы, стыдясь признаться в своих ошибках и поведать обо всех разногласиях, трениях и т.д., которые происходят дома? Насколько же должен быть велик стыд тех пар, которые состоят в смешанном браке!.. Ведь они помнят о том, как друзья и родственники предостерегали их от такого шага, хотя сами они в тот момент считали, что совместная жизнь их будет безоблачной и счастливой. Непреложным фактом звучат данные статистики, которая подтверждает, что число разводов в случае смешанных браков значительно превосходит число разводов в случае несмешанных.

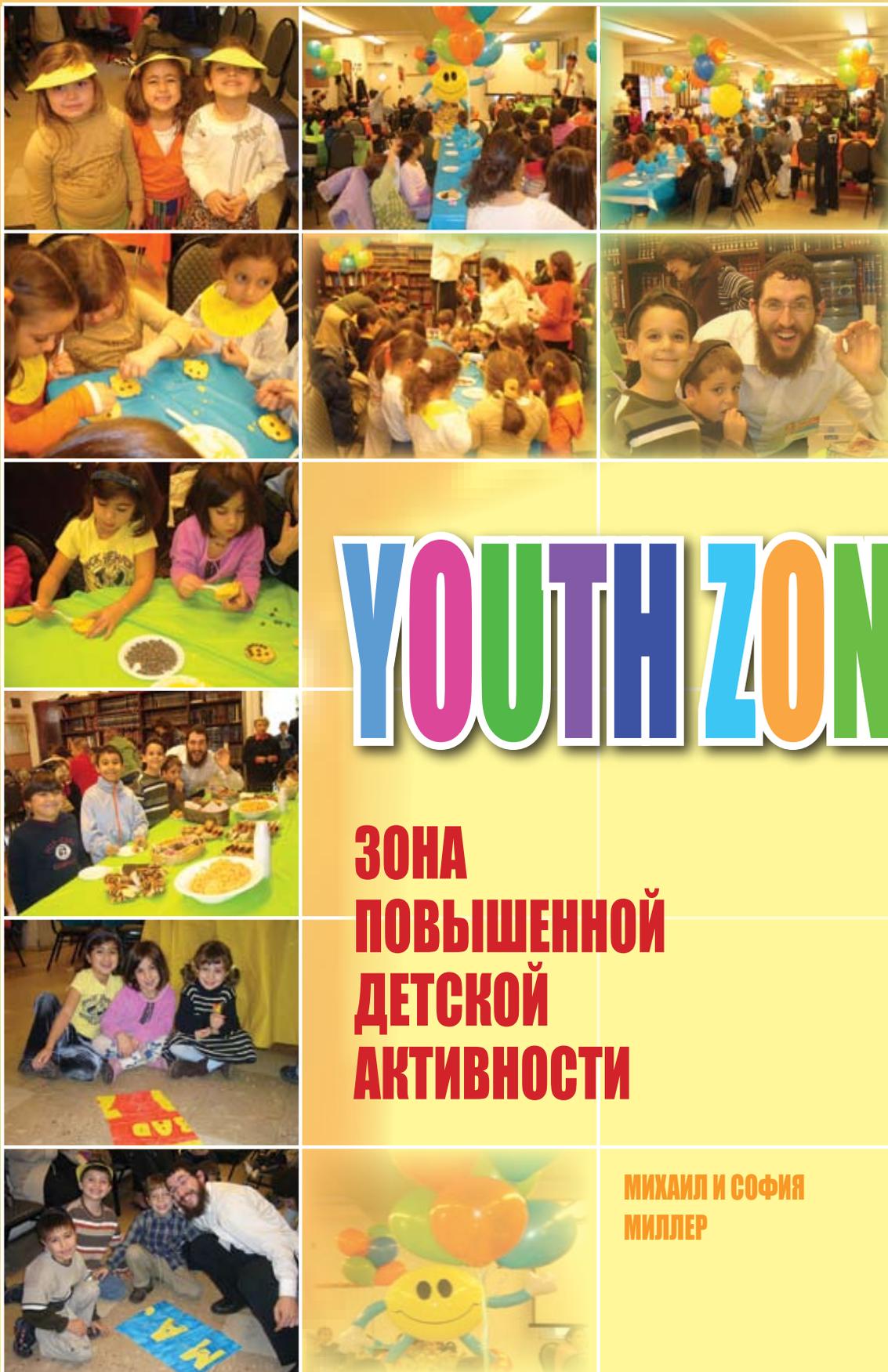
И еще одна немаловажная деталь. Большинство людей, вступивших в смешанные браки, находится в плену собственных эмоций. Если спросить их, что можно порекомендовать тем, кто желает поступить так же, они посоветуют ни в коем случае не повторять их ошибки, ибо этот шаг повлечет за собой трагические результаты, возможно даже на всю жизнь. Теперь они понимают, что сами сделали этот шаг под влиянием эмоций, и считают такое поведение недопустимым и безответственным.

В качестве приписки добавлю, что согласно еврейскому закону дети наследуют национальность матери. Поэтому, если мать – еврейка, то рожденный ею ребенок – даже от нееврея – считается евреем и обязан поэтому подчиняться еврейскому закону и исполнять все заповеди Торы и т.д.

Подробнее этот вопрос Вы можете обсудить с авторитетным и знающим раввином.

Желаю Вам и всем Вашим близким счастливого праздника.

С благословением. М. М. Шнейерсон

В Любавичском центре Кенсингтона (605 Ocean Parkway) снова событие. Не-утомимые Йегуда и Рахель Левины организовали очередной проект – Youth Zone. Подобрать достойный эквивалент этому названию на русском языке трудно. Что-то вроде воскресного клуба для детей в возрасте от 5 до 11 лет. Но, поверьте на слово, в данном случае название не имеет никакого значения. Сегодня в синагоге весело, шумно, звучат детские голоса и смех. И это – самое главное.

...Играет веселая музыка, повсюду развешаны разноцветные шары, на столах - сладости.

В центре зала – огромная надувная кукла: руки, ноги и улыбающаяся рожица.

Сегодня – первое занятие Youth Zone. Со следующего дети, в зависимости от интересов, будут разделены на группы. Но сейчас они вместе: знакомятся друг с другом и со своими «кураторами» - Йегудой и Рахелью Левиными. Мы же знакомимся с родителями, которые даже не пытаются скрыть своей радости, настолько им здесь хорошо.

Ривка – молодая мама с малышом на руках. Она с тремя детьми приехала сюда из Краун-Хайтса.

- У Левиных всегда очень интересно. Мы бы хотели, чтобы дети весело и с пользой провели выходной. Здесь они в кругу своих еврейских сверстников, общаются, могут завести новых друзей, будут заниматься любимым делом. Им здесь хорошо, а значит, и нам с мужем тоже.

По залу бегает крохотная забавная девчушка. Она носит маме Лизе шарики. Ее шестилетняя сестренка занята дегустацией застольных лакомств.

- Мы из Израиля, - рассказывает мама Лиза. - Приехали сюда три года назад. Чего мы ожидаем от этой программы? Думаю, что она очень полезна для развития детей. Моя старшая любит рисовать, заниматься музыкой. Кроме того, будут экскурсии. Я уже вижу, как ей здесь нравится. Мы также хотим, чтобы девочка больше узнала о еврейских традициях. Сами мы пока еще не все соблюдаем, но свою девочку я отдала в еврейскую религиозную школу.

Вот еще одна мама – Лариса. Она пришла в Клуб с тремя детьми-погодками – 6, 7 и 8 лет:

- Мы жили в другом районе, но специально переехали, чтобы быть поближе к раввину Моше-Хаиму Левину и его жене Добе. Это замечательная, удивительная семья. Они не живут для себя. Их дом открыт для каждого. Мы учимся у них. Считаю, что их новая программа очень важна. Посмотрите, как детям весело. Но особое значение она имеет для тех детей, которые посещают государственные школы. Здесь они, по крайней мере, смогут познакомиться с еврейскими традициями. Но и для тех, кто учится в религиозных еврейских школах, это тоже важно и полезно. Дети должны совмещать активность с вдумчивостью. По себе знаю, как в жизни мне помогли навыки, которые в детстве

я получила в различных кружках. Нужно учить детей думать, помогать им развиваться. Не сомневаюсь, что в новом Клубе все это будет.

Музыка смолкла. Детей разделили на две команды - мальчиков и девочек. Занятие началось с игры на развитие памяти, внимания, сообразительности.

Большой экран в полстены поделен на пронумерованные квадраты. На противоположной (скрытой) стороне каждой клетки рисунок с еврейской символикой. Командам по очереди предоставляется возможность назвать два номера клетки. И тогда на обеих указанных командой клетках вместо цифр появляются изображения. Если картинки одинаковые, то команда получает очко. Выигрывают те, у кого острее внимание, лучше память.

Надо было видеть, с каким азартом дети спорили, тянули руки.

А вот и следующая игра. Дети бегут к столу, где им предстоит заняться «выпечкой». Они берут круглые плоские печенье, намазывают их маслом и приклеивают к своей заготовке кусочки шоколада, изображая глаза, нос, рот, расплывшийся в улыбке. А потом эту собственноручно сделанную «радость» дети с удовольствием съедают.

«Выпечка» закончена, но программа в самом разгаре. Очередная игра – составление мозаики.

Дети выходят из-за стола, и каждый получает по кусочку разрезанного плаката. Остальные его мелкие части рассыпаны по полу. Ребята бегают, отыскивают кусочки, похожие на тот, что в руках у каждого, а потом с помощью Йегуды и Рахели вместе собирают плакат.

«Рахель и Йегуда очень увлечены этим своим начинанием», - говорит Доба, супруга раввина Левина. Она и сама принимает активное участие в этом проекте, как, впрочем, и во всех других.

«У нашей Рахели – Б-гом данный талант работать с детьми, - рассказывает раввин Левин. – В прошлом году, в Калифорнии она добилась потрясающих успехов. Через 3 месяца в Краун-Хайтсе состоится ежегодная конференция, на которую съедутся более 2000 женщин – посланниц ХАБАДа. На этом собрании Рахель расскажет о разработанном ею проекте». Раввин Левин улыбается и обводит взглядом галдящую детвору: «Ей будет, о чем рассказать».

КАК СЛУЧИЛОСЬ ТО, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ

С. АЛТЕР, Б. ХЕЙН

Часть первая

«ТЫ ДОЛЖЕН НАМ ПОМОЧЬ!..»

От редакции:

Профессор Авраам-Михозель Хасофер получил в 1964 г. степень доктора математики в Тасманийском университете (Австралия). Работал в Австралийском национальном университете в Канберре, где занимался проблемами генетики под руководством профессора А. Монара, автора книги «Статистические процессы эволюционной теории», а затем в Мельбурнском университете. В 1969 г. был назначен заведующим кафедрой математической статистики Университета штата Новый Южный Уэльс. Этот пост занимает и поныне.

«В начале пятидесятых годов мы стали австралийцами, - начинает свой рассказ Азера Хасофер, - и поселились на острове Тасмания, в городе Хобарт. На всю Тасманию в то время, на триста тысяч ее жителей, было около тридцати еврейских семейств, и все они жили в нашем городе. Религиозными они не были, но сохранили какую-то связь с еврейством. По субботам и праздникам приезжали на машинах в синагогу, где один из евреев, конечно, не раввин, просто более сведущий, чем остальные, читал им молитвы и главы из Торы. Обо всем этом мы слышали краем уха. Мы не ходили в синагогу, не соблюдали никаких обычаев и понятия не имели, когда и как отмечают еврейские праздники...»

«...В ту пору, когда произошло это странное событие, мы учились в Тасманийском университете. — продолжает Авраам-Михозель Хасофер. — Я изучал математику, жена — психологию, и все наши друзья и знакомые принадлежали к академическому миру. Как вдруг, в один прекрасный день, в нашу дверь постучались евреи из нашей общины. «Ты должен нам помочь!» — сказали они. «И чем же?» — спросил я. «Наш ученый еврей, тот самый, что читал нам молитвы и Тору, уехал. Мы решили, что ты займешь его место!»

От удивления я чуть не упал со стула.

«Как вы можете предлагать подобное атеисту? — сказал я сердито. — Разве вам неизвестно мое отношение к религии? Да это просто издевательство — приглашать такого, как я, в равнины!» «Ну, положим, — ответили они, ничуть не смутившись, — раввином ты не будешь, и не рассчитывай на это. Просто, кроме тебя, никто на Тасмании не знает иврит... Мы ведь не предлагаем тебе соблюдать законы Торы, а только просим заменить хазана и тцеца Торы. Согласен?..»

«Ну и ну, — подумал я, — такого, должно быть, не случилось со дня возникновения нашего народа, но потом вспомнил, что все же наша синагога, какая она ни есть, — единственное, что объединяет здешних евреев. Следовательно, мое согласие можно

расценивать как социальную мощь, не имеющую никакого отношения к моим личным взглядам». «Хорошо, — ответил я. — Согласен!» «В таком случае собирайся и пошли. Ты наш хазан уже с сегодняшнего дня...»

«...Авраам начал ходить в сиναгогу, — рассказывает Атэра, — но в доме ничего не изменилось. Мы продолжали жить нашей обычной жизнью, наши интересы были исключительно академическими. Прошло несколько лет, дети подрастали, и однажды мы всерьез задумались: наша семья была настолько ассимилированной, что лишенные каких бы ни было традиций, наши дети должны были скорее всего вообще забыть о принадлежности к своему народу. Среди их товарищей и учителей не было ни одного еврея, откуда же взяться чувству солидарности?.. Мы долго обсуждали эту проблему и, наконец, решили, что лучший путь к осознанию своего еврейства — это исполнение заповедей Торы...»

«...Толчком к размышлениям действительно было будущее детей, но нельзя не признать, что регулярное чтение Торы не прошло для меня бесследно. — продолжает Авраам Хасофер, — это, знаете ли, весьма помогает задумываться о многом. Например, о своей позиции в дискуссиях с вездесущими миссионерами, когда мы защищали образ жизни, которого не придерживались, и религию, о которой ничего не знали. Или о философии науки, которую незаслуженно превратили в идола XX века. Но если наука вовсе не идол и не заслуживает пьедестала, тогда почему бы нам, спрашивается, не соблюдать тысячелетние законы Торы? Кто — на основании каких критериев? — установил, что исполнение заповедей — это отсталость и ретроградство?.. Однако хочу отметить, что возвращение к заповедям Торы было чисто головным, обдуманым решением. Мы пришли к нему без малейшего чувства веры, на основании холодного рационального расчета».

«...Нельзя без улыбки говорить о том времени, — вспоминает Атэра Хасофер, — Мы приняли решение и тут же выяснилось, что не в состоянии его выполнить. Мы, в сущности, были абсолютно безграмотны, ничего не знали о наших традициях. И на сотни миль вокруг

некому было подсказать, что и как нужно делать. Из моего раннего детства ко мне пришло воспоминание — обычай зажигать субботние свечи, потом что-то еще, но только не спрашивайте, как мы соблюдали тогда отдельные заповеди... Надумав завести в нашем доме кошерность, я помчалась в магазин и купила новый комплект посуды. А вечером спросила мужа, что же нам делать со старой? Где варить молочное, а где мясное? Ведь старая посуда явно некошерная, но как ее сделать кошерной? Неужели нужно покупать третий комплект?.. Кончилось это тем, что я расплакалась, а новая посуда была спрятана в чулан — до лучших времен.

Ситуация сложилась крайне нелепая, угнетавшая меня невероятно: стремиться и не делать, стараться и не уметь. Ни книг, чтобы что-то узнать, ни знающего человека, чтобы посоветоваться. Вначале я плакала, а потом начала молиться. Я говорила Ему, что Он должен меня услышать и помочь. Если все, что написано в Торе — правда, если евреи действительно Твой народ, Ты должен подсказать нам, как исполнить Твои повеления...»

«...И тогда случилось то, что случилось, — говорит Авраам Хасофер, — и это было как чудо. Однажды, возвращаясь домой из университета, я столкнулся на улице с религиозным евреем. Шел он праздной походкой, с любопытством оглядывался по сторонам — явный турист, проездом, быть может, всего на несколько часов попавший в наш город. Моей радости не было предела, я кинулся к нему, обнял сгоряча и немедленно попросил о помощи. Он легко согласился, вошел в наш дом и провел у нас все свое свободное время. Он учил, а мы, словно примерные ученики, записывали каждое слово.

«Мы торопились побольше узнать, — продолжает Атэра, — были так взволнованы и возбуждены, что получилось не совсем удобно. Мы обращались к нему “рабби” и, только проводив, сообразили, что не узнали имя нашего благодетеля, кто он и откуда. Но память о нем жила в наших записях.

Через год он опять появился в нашем городе, и мы, наконец, познакомились. Это был раввин Хаим Гутник из Мельбурна. Но ни первый, ни второй раз он ни словом не обмолвился о причине своих поез-

док на Тасманию, а мы посчитали неудобным расспрашивать.

Прошло еще несколько лет, мужу предложили работу в университете Канберры, расположенной неподалеку от Мельбурна. Здесь было много евреев, круг наших знакомых быстро увеличивался. Однажды в гостях я разговорила с молодой женщиной. Узнав, что мы из Тасмании, она сказала: “Как бы мне хотелось увидеть ваш остров! Мой отец побывал там несколько раз и любит вспоминать об этих поездках: они были такие загадочно-таинственные!”

Все, что касается Тасмании, острова, где прошла наша молодость, живо интересовало меня. Я проявила интерес, и женщина рассказала, как много лет назад ее отец, постоянно переписывавшийся с Любавичским Ребе, получил очередное письмо, в котором Ребе просил отца поехать на Тасманию. Это предложение было тем более непонятным, что в письме никак не объяснялись цели и смысл поездки. Но, если Ребе посылает, вопросов, как известно, не задают, и отец отправился на аэродром. Тасмания оказалась необычайно красивой, и однажды у отца произошла там удивительная встреча. На улице к нему подбежал какой-то человек, неожиданно обнял и затащил к себе в дом. Этот еврей был каким-то странным: он не знал простейших законов нашей религии и задавал отцу десятки наивных вопросов.

Уже зная о ком идет речь, я спросила: «Ваша девичья фамилия Гутник?» «Да, — ответила она недоуменно, — как вы догадались?..»

Так я впервые услышала о нашем Ребе.

Объяснить эту историю я не в состоянии, хотя и знаю ответ. Б-г услышал мою молитву. Но как замыкается высший мир с земным — нам неизвестно...

Часть вторая

ДУШИ ИЗ МАЛАЙЗИИ

«При первой же возможности, — продолжает рассказ Авраам Хасофер, — мы поехали к Ребе и удостоились чести попасть к нему на прием. Ребе уделил нам много времени и поручил нам много важных дел. Сначала мы хотели вернуться в Израиль, но Ребе попросил нас

остаться в Австралии и работать со студентами-евреями, приближая их к Торе. В то время я занимал в университете довольно весомую должность и пользовался авторитетом среди профессоров и студентов. Поэтому Ребе попросил нас остаться, и мы были рады выполнить его просьбу.

Не преувеличу, если скажу, что за годы, проведенные в Австралии, мы помогли сотням студентов-евреев найти истинный смысл в жизни. Кроме того, нам посчастливилось выполнить некоторые особые поручения Ребе. Расскажу об одном из них.

Это случилось в 1980 г. Осенние праздники мы проводили в Нью-Йорке, вместе с Ребе. На следующий после праздника Суккот день нам была назначена аудиенция с Ребе. Мы обсудили ряд вопросов, и когда встреча подходила к концу, Ребе вдруг сказал: “Есть в Малайзии души, которые нужно спасать”, - и добавил, обратившись к моей жене: “Там вы сможете глубже изучить основы медитации для того, чтобы открыть глаза некоторым евреям на то, что существуют виды медитации, разрешенные Торой”.

Мы не стали задавать вопросов, а просто отправились в Малайзию. Моя жена стала искать, где обучают медитации, и вскоре познакомилась с буддийским монахом. Без малого ему было почти сто лет, и он достиг наивысшей степени знаний в этом вопросе. Ни я, ни Атэра не знали, сколько времени должно продолжаться это обучение. Все, однако, решилось довольно скоро. К нашему общему изумлению, буддийский монах оказался евреем! Он рассказал, что его родители были ассимилированными немецкими евреями, а он сам всю жизнь стремился к духовности и постоянно искал смысл жизни. В конечном итоге, его привлекло учение Будды, а со временем он стал главой сангхи – буддийской монашеской общины. Пока он обучал мою жену медитации, я рассказывал ему о Ребе, а потом стал обучать его основам Тании. Эти уроки доставляли ему великое наслаждение, и он задавал все больше и больше вопросов. В конце концов, мы подарили ему эту книгу с переводом на английский...

...Вскоре после того, как мы покинули Малайзию, нам пришло письмо от еврейской девушки из Лондона по имени Циппора. Она писала, что не так давно побывала в Малайзии, где обучалась медитации у буддистов. Там она познакомилась со старым буддийским монахом. Узнав, что он достиг высочайшей степени совершенства, она захотела заниматься с ним. Его реакция оказалась довольно неожиданной. Узнав о том, что она еврейка, монах сказал ей: “Твое место не здесь. Иди к источнику, где изучают Танию”, после чего дал ей наш адрес.

Мы помогли этой девушке вернуться на путь Торы и заповедей. Она училась некоторое время в Цфате, а потом вышла замуж за молодого человека, который также вернулся к еврейству. У них настоящая еврейская семья.

Что тут можно сказать? Повторю лишь слова моей жены: “Как замыкается высший мир с земным – нам неизвестно...”

ЗЕЕВ ГОЛДИН

Довольно часто во время своих путешествий рабби Шмуэль, Четвертый Любавичский Ребе, проезжал небольшое местечко, расположенное неподалеку от Любавичей, но никогда там не останавливался. И вот однажды Ребе изменил своему привычному распорядку и попросил кучера остановить там карету. Кучер послушно заехал в ворота постоялого двора. Рабби Шмуэль вышел из кареты и направился к дверям.

В доме, кроме двоих мальчиков, никого не было. “Где мать с отцом?” - спросил Ребе. “Ушли по своим делам, - ответил старший, - вот-вот должны прийти”. “А меламед? Где ваш меламед?” - снова спросил Ребе. “Он уехал к себе домой. Сейчас ведь Элул. Мы учимся сами”. “Так, хорошо, - продолжал Ребе, - а что же вы учитесь?” “Я учу Хумаш”, - сказал старший. “А я, - гордо выступил вперед младший, - я умею читать Псалмы!” “Умеешь читать Псалмы? - улыбнулся Ребе. - Какой ты молодец! Давай-ка я тебя проверю. Неси книгу”. Мальчики наперегонки бросились выполнять поручение Ребе.

“Что ж, - сказал Ребе, раскрыв книгу, - начинайте читать, и я буду читать вместе с вами”.

Мгновенно дом наполнился звонкими голосами. Мальчики читали Псалмы нараспев, старательно выговаривая каждое слово. Ребе повторял за ними.

Так прошло довольно много времени. Кучер задремал на козлах. Лошади терпеливо топтались на месте. Вскоре во двор вошла женщина. С удивлением она посмотрела на роскошную карету, услышала голоса детей и голос взрослого, доносившиеся из открытого окна, и поспешила в дом.

Она тихо вошла через заднюю дверь, прошла в кухню и замерла, увидев за столом в гостиной самого Ребе.

Мать прислушалась. Ребе вместе с ее сыновьями читал Псалмы. Легкая печаль слышалась в его голосе. Тревога закралась в сердце женщины. Слезы показались в ее глазах. Неспроста Ребе сейчас сидит у них дома, неспроста читает Псалмы с ее мальчиками...

Но вот Ребе закрыл книгу, поднялся из-за стола и направился к выходу. Дойдя до двери, он вдруг остановился, задумался, словно к чему-то прислушиваясь,

СПАСЕННЫЙ ДВАЖДЫ

затем повернулся к мальчикам. “Пожалуй, почитаем еще немного”, - сказал рабби Шмуэль и снова открыл книгу. Опять в гостиной зазвучали детские голоса, и опять забеспокоилось материнское сердце.

Прочитав еще несколько глав, Ребе встал, попрощался с мальчиками, вышел во двор, сел в карету и велел кучеру трогать лошадей.

Долго еще после ухода праведника женщина не могла найти себе места. Тревожные мысли не покидали ее, и на душе было беспокойно. Она то и дело поглядывала в окно, ожидая мужа, с которым очень хотела поделиться своими чувствами. Мальчики тоже не отходили от окна. Им словно передалось материнское беспокойство.

Зашло солнце, становилось все темнее. Мужа все еще не было. Рано утром он уехал собирать долги с крестьян и должен был вернуться еще к полудню. Может быть, его задержали дела, но все равно – так поздно он еще никогда не возвращался.

На небе вышли звезды, часы пробили девять раз, потом десять, потом одиннадцать. Тревога уступила место страху. Мальчики прижались к матери.

Стрелки часов уже приближались к полуночи, как вдруг в закрытые ставни кто-то постучал. Женщина поспешила к двери. На пороге стоял муж – бледное лицо, ссадины на руках, разорванная одежда. Мальчики бросились к отцу. Тот, перешагнув порог дома, без сил рухнул на пол...

Плачущая мать с помощью сыновей с трудом дотащила потерявшего сознание мужа до кровати и принялась приводить его в чувство. Вскоре тот пришел в себя, привстал на локтях и тихо попросил воды. Старший из мальчиков принес кружку. Напившись, отец почувствовал себя лучше. Жена и дети сидели возле него, не решаясь отойти даже на шаг. “Велик Б-г, спасший меня от верной гибели!..” – произнес трактирщик и стал рассказывать...

...Один из должников, хмурый, неприветливый крестьянин, повел его с собой в амбар, где хранилось зерно, чтобы вернуть причитающийся с него долг. Плотно закрыв за собой двери, он без лишних слов заявил, что собирается покончить со своим кредитором – и долгом заодно. Встретившись глазами с тяжелым взглядом должника, трактирщик понял, что тот не шутит. Он принялся умолять о пощаде, пытаясь вызвать хоть каплю сострадания к своим жене и детям, которые останутся сиротами. Крестьянин был непреклонен. “Я своих решений не меняю, еврей”, - сказал он, после чего оглянулся, выругался и прошипел сквозь зубы:

“Где же топор?” Осмотрев весь амбар и не найдя топора, должник решил поискать его дома. Он связал своего пленника по рукам и ногам, а двери снаружи подпер доской.

Трактирщик, не в силах пошевелиться, шептал слова молитвы. Вдруг двери открылись, и в амбар вошла хозяйка дома. Она только что вернулась с поля. “Твой муж хочет убить меня, - прошептал несчастный кредитор потрясенной женщине, - сжался хоть ты надо мной, над моими детьми, развяжи меня...” “Но если мой муж узнает, что я это сделала, он убьет меня”, - ответила та. “Ты развяжешь меня и выйдешь за калитку, - ответил пленник, - и как только увидишь, что твой муж выходит из дома, сделай вид, будто возвращаешься с поля. Б-г тебе поможет...”

Женщина вняла мольбам бедняка и разрешила веревки. “Мой муж обязательно бросится за тобой в погоню и, будь уверен, найдет и убьет. Поэтому беги сейчас в поле, - сказала она, - и спрячься там в каком-нибудь стоге. Дождись темноты и только тогда ступай домой”.

...Спрятавшись в одном из стогов, трактирщик немного перевел дух. Он шепотом продолжал молить Всевышнего о спасении, как вдруг услышал громкий топот и крик, похожий на рев: “Проклятый еврей! Я найду его и разможу ему голову!..” Страх охватил трактирщика. Шаги зазвучали совсем близко. Крестьянин искал свою жертву, верно рассчитав, что хитрый еврей прячется в каком-нибудь из стогов. Шуршание колосьев перемежалось с проклятиями. Через некоторое время голос стал отдаляться, и, наконец, наступила полная тишина. Трактирщик пролежал, не двигаясь, до самой темноты, напряженно прислушиваясь к каждому шороху. Потом выбрался из своего укрытия и, не разбирая дороги, побежал в сторону своей деревни...

...Жена и дети слушали рассказ трактирщика, не проронив ни звука. Когда тот закончил, жена, плача, сказала ему о том, какой гость посетил сегодня их дом и для чего. “Сам Ребе!.. – воскликнул потрясенный муж. – Так вот кто спас меня от смерти!..” “Ребе спас тебя дважды, - тихо сказала жена. – Он ведь дважды читал Псалмы с нашими мальчиками. Один раз – когда ты связанный лежал в амбаре, второй раз – когда ты прятался в стоге пшеницы...”

НА СЕМИДЕСЯТИ ЯЗЫКАХ

РОГАТАЯ «ВУЛЬГАТА»

Общеизвестен факт, что самая распространенная книга на земле – Библия. Только за последние полтора столетия было напечатано два с половиной миллиарда ее экземпляров. Если весь этот тираж поместить на одной полке, то даже при толщине каждого экземпляра всего лишь в 16 мм – эта книжная полка опояшет земной шар. Библия переведена на 1631 язык.

Эти цифры, приводимые дотошным справочником «Гиннес», могут поднять настроение даже у самого апатичного представителя народа Книги. Однако посмотрим на эти цифры с другой стороны. Сколько в этих сотнях различных переводов искажений, принимаемых несведущими читателями за подлинный текст Книги книг? В этой связи упомянем еще один рекорд, приводимый в указанном справочнике: самая дорогая книга – Библия, напечатанная отцом книгопечатания Гуттенбергом в Майнце в 1455 году. Несколько лет назад один экземпляр этого издания приобрел Техасский университет за 2.400.000 долларов.

За что же была уплачена такая невероятная сумма? За латинский перевод Библии, известный под названием «Вульгата». Та самая «Вульгата», что пририсовала Моше рога. И это лишь одно из грубейших искажений, популяризованных этим крайне неграмотным переводом.

ГОРЫ ЗАКОНОВ

Рабби Йеуда ибн Тибон, еврейский ученый XII века, переведший написанную по-арабски книгу «Ховот

а-левавот» («Обязанности сердца») рабби Бахьи из Сарагосы, пишет, что переводчик должен удовлетворять трем требованиям: 1) в совершенстве знать язык, на котором написан подлинник; 2) свободно владеть языком, на который он переводит; 3) ясно понимать суть переводимого материала, «чтобы не исказить авторский замысел, не уничтожить мудрость, заключенную в книге... ведь переводчик становится книге отцом и господином». Что же мы находим в различных переводах Библии? Знать в совершенстве язык оригинала переводчики не могут, ибо живут через тысячи лет после того, как книга была написана. Ведь даже язык мудрецов Талмуда отличался от библейского языка. Да и со смыслом, заключенным в словах и стихах Священного Писания, переводчики обычно знакомы только понаслышке.

Здесь еще дело осложняется следующим обстоятельством. Обычные книги, написанные обычными – пусть даже гениальными – людьми, содержат в себе определенную, строго ограниченную информацию, однозначно вытекающую из текста (если он грамотно написан, разумеется). Если бы Тора была вот такой обычной книгой, то и участь ее была бы обычной: ею бы повосхищались некоторое время, а затем отложили бы в сторону, освобождая место для следующего шедевра. Но информация, заключенная в Торе, – беспредельна. Каждая ее буква наделена глубоким смыслом, и не только буква – каждый завиток в ней, по выражению Мар-Уквы в трактате «Эйрувин», содержит в себе горы законов.

3200-Я ЧАСТЬ

И еще: Тору можно изучать как бы на различных уровнях. Подобно тому, как Вселенную каждый человек воспринимает по-своему правильно. И все же нельзя уподобить мироощущение ребенка мироощущению взрослого человека. Картина мира, написанная математиком, будет существенно отличаться от описания физика, биолога, философа. Художник и ученый видят два совершенно различных мира. И, тем не менее, это один и тот же мир, но в своей беспредельности он воспринимается каждым согласно его образу мышления. А ведь вся Вселенная представляет собой, по утверждению талмудического мудреца рабби Хисды, лишь одну 3200-ю часть от Торы. И мы видим, что тот же стих, то же словосочетание содержит в себе и простейший рассказ или несложную мысль, понятную ребенку, и глубокое поучение, требующее основательной философской подготовки, и еще более глубокий смысл, который не под силу и философу. Ведь для его постижения необходимо развитое и утонченное музыкальное чувство. А самое сокровенное в Торе вообще нельзя постичь без предварительного очищения души и плоти.

У Торы семьдесят лиц, говорят мудрецы. И это явное преуменьшение. Невозможно, конечно, создать такой перевод Торы, который обладал бы таким же числом «лиц». Но чтобы воплотить в переводе всего лишь одно лицо Торы, даже такое, какое представляется пятилетнему еврейскому мальчику, изучающему Хумаш в хедере, надо, не жалея сил и времени, усердно изучать комментарии еврейских ученых, принявших устную

традицию, восходящую к самому Синаю. А после этого уже обычно просто времени не остается для основательного изучения литературных особенностей языка, на который должен быть осуществлен перевод. И в итоге – прискорбное явление, лучше всего наблюдаемое на примере известных нам переводов «Ветхого Завета» (как безжалостно нарекли Тору): они или неверны или неграмотны.

ЕДИНСТВЕННЫЙ И ВЕРНЫЙ

А, между прочим, существовал некогда подлинно авторизованный перевод Торы. И не на один язык, а на все языки, на которых говорила тогда планета Земля. Эти переводы были осуществлены ни кем иным, как самим Моше. Об этом мы читаем в недельной главе «Дварим», первой главе пятой, заключительной книги Пятикнижия: «На сороковой год, в одиннадцатом месяце, в первый день месяца говорил Моше всем сынам Израиля обо всем, что завещал о них Б-г... За Иорданом, в земле Моав начал Моше разъяснять учение это». Вот это «разъяснять» согласно Талмуду («Сота», 35-36) означает, что Моше перевел Тору на семьдесят существовавших тогда языков. Резонно спросить: неужели в последние недели жизни Моше не мог найти более важного занятия, чем переводить Тору на языки чужих племен? И для кого он это делал? Ведь те, которым он «разъяснял учение это», говорили тогда на еврейском языке. Даже египетский язык, государственный язык страны двухсотлетнего рабства, никак не мог конкурировать с еврейским. Все, кто покинул Египет в зрелом возрасте, к тому времени уже умерли, а те, кто ушли из Египта юными, уже сорок лет слушали еврейскую речь.

И все же, говорят комментаторы, Моше боялся, что хотя бы одному еврею какой-нибудь чужой язык по каким-то причинам ближе и понятнее еврейского. И поэтому он перевел Тору на все языки, дабы исключить всякую, даже самую невероятную, возможность, что кто-либо останется вне Торы. И перевел сам, не доверяя это дело никому, ибо только он, Моше, принявший Тору от Самого Всевышнего, мог воплотить ее в словах чужих наречий. Позже эти переводы были записаны на больших камнях, установленных в Гильгале, неподалеку от Иерихона, чтобы и народы мира могли ознакомиться и при желании приобщиться к Б-жественному Учению.

«Полиглотный» перевод Торы, сделанный Моше, к сожалению, не сохранился. Но сегодня он вряд ли оказался бы полезен. Ведь все семьдесят тогдашних языков давным-давно умерли, оставив после себя тысячи внучат, которые лишь очень отдаленно напоминают своих далеких предков. И даже если упоминаемые в Библии народы Мешех и Тирас действительно были, как утверждают некоторые комментаторы, предками москвитян и россиян, - язык первых был бы совершенно непонятен нынешним великороссам. Из всех языков, существовавших в то далекое время, в живых остался лишь древнееврейский (а также его пасынок – иврит). И лишь потому, что это – язык Торы.

САМАЯ БОЛЬШАЯ КНИГА

Впрочем, один весьма авторитетный перевод Пятикнижия сохранился и поныне. Он печатается в большинстве изданий Торы параллельно с оригинальным текстом. Это – арамейский перевод Онкелоса. Сам Онкелос жил в период разрушения Храма. Он приходился племянником императору Титу, разрушителю Иерусалимского Храма, но принял иудаизм и стал знаменитым мудрецом.

Перевод Онкелоса никак нельзя назвать дословным переводом. Во многих местах он отходит от буквального толкования текста или вставляет пояснительные слова и даже целые фразы. Однако это - единственный перевод, признанный еврейскими мудрецами. Более того, в трактате «Кидушин» (49а) сказано, что переводящий Тору буквально, опуская пояснения Онкелоса, лжет: такой перевод не только не передает точно мысль подлинника, но даже искажает ее. Впрочем, не надо быть ученым-лингвистом, чтобы знать, что фраза, переведенная на другой язык буквально, часто приобретает совершенно иной смысл.

Из всего сказанного можно сделать вывод: каждый, кто серьезно хочет ознакомиться с Книгой книг, даже только для того, чтобы лучше узнать душу народа, в лоне которого ему суждено было родиться, не должен удовлетворяться одними переводами, ибо тогда он будет полностью зависеть от добросовестности и эрудиции переводчика. Не должен он удовлетворяться и самостоятельным изучением Торы при помощи словаря, ибо тогда понимание будет в лучшем случае буквальным и поэтому – не всегда верным. Следует изучать признанные комментарии, желательно – с опытным, знающим раввином-преподавателем. И помнить, что Тора – очень большая книга, в 3200 раз больше всей Вселенной.

«Шофар»

НЕНУЖНЫЙ ПРАЗДНИК

КОРОТКИЕ ИСТОРИИ ИЗ ЖИЗНИ ХАСИДСКИХ РЕБЕ

Составила ХАВИ ФРИДМАН

ВРЕМЯ ДЛЯ МОЛИТВЫ

В Сиване 5567 (1807) г. жители белорусского городка Жлобин готовились к великому событию – внука Алтер Ребе выхотила замуж за внука рабби Леви-Ицхака, Бердичевского Ребе. Роль бадхана (свадебного шута) исполнял реб Шмуэль Мункес, один из ближайших хасидов Алтер Ребе.

...Алтер Ребе всегда начинал утреннюю молитву с первыми лучами солнца. Молился он неторопливо, но и никогда не затягивал молитву. Его же будущий сват, рабби Леви-Ицхак из Бердичева, проводил перед молитвой несколько часов в размышлениях о Всевышнем и своем духовном положении, после чего приступал к молитве, которая длилась еще несколько часов.

Рано утром реб Шмуэль Мункес явился к Алтер Ребе и обнаружил, что тот уже закончил молитву.

«Гевалд! – воскликнул реб Шмуэль. – Посмотрите, что происходит! Мой Ребе уже закончил молиться! Может быть, он не знает, за кого выходит замуж его внука?! Так я ему скажу! За внука великого и праведного Ребе из Бердичева! А Бердичевский Ребе, между прочим, еще даже не начинал молиться и пребывает сейчас в глубоком размышлении о Б-ге!...»

«И ты сравниваешь меня с моим сватом? – удивленно спросил Алтер Ребе. – В таком случае, ты просто глуп. Рабби Леви-Ицхак находится на таком высоком уровне, что когда бы он ни постучался в Небесные Врата, ему всегда откроют. А я... Я вынужден молиться в строго определенное время, когда Врата эти открыты, а иначе мне просто не успеть».

Удовлетворенный ответом, реб Шмуэль отправился в дом рабби Леви-Ицхака. Бердичевский Ребе, действительно, еще не начинал свою молитву. Он набивал трубку, которую обычно курил во время предмолитвенных размышлений.

«Да простит меня Ребе за нахальство, - начал реб Шмуэль, - но я хотел бы кое-что выяснить. Конечно же Ребе знает, что его будущий сват – великий праведник, скрупулезно исполняющий заповеди Торы. Он уже закончил утреннюю службу, которую он совершает всегда в строго определенное время, как того требует Закон. Но вот я прихожу к Бердичевскому Ребе - и что же вижу? Он набивает свою трубку! Когда же он собирается молиться?»

«Б-же мой, - покачал головой рабби Леви-Ицхак, раскуривая трубку, - как же ты глуп! Сравнить меня с моим сватом! Да ведь он настолько велик, что ему даже не нужно ежедневно готовиться к молитве заново! Он готов к ней уже со вчерашнего дня! Проснувшись утром, он может сразу же приступать к молитве. А я... Я должен тяжело трудиться каждый день, чтобы моя молитва была принята Небесами. Знаешь ли ты, сколько времени занимает у меня такая подготовка?..»

СУП, ПОСОЛЕННЫЙ ДВАЖДЫ

В доме рабби Шнеур-Залмана из Ляд готовились к приезду рабби Шломо, Карлинского Ребе. Прибытие такого почетного гостя послужило причиной для спора, который возник между женой Алтер Ребе, ребецин Стерной, и их старшей дочерью Фрейдой. Вот уже в течение нескольких лет вся ответственность за кухню была возложена на Фрейду. Сейчас же, в честь приезда Карлинского Ребе, ребецин решила готовить сама. Фрейда была не согласна с тем, что у нее хотят отобрать эту привилегию. Спорное дело было предоставлено на рассмотрение хозяину дома, рабби Шнеур-Залману. Подумав, Ребе предложил компромисс: готовить будет ребецин, а солить – Фрейда.

Рабби Шломо благополучно прибыл в Ляды, был тепло встречен и приглашен к столу. Когда подали суп, рабби Шломо, съев первую ложку, понял, что дальше продолжать нет никакой возможности. Дело в том, что Фрейда, делая свою работу, не знала, что мать, в силу многолетней привычки, во время готовки продолжала солить еду. Результат получился абсолютно несъедобным.

Алтер Ребе спокойно кушал суп, но, заметив, что рабби Шломо сидит возле нетронутой тарелки, решил, что суп недостаточно соленый и собственноручно насыпал соли в тарелку гостю. Рабби Шломо удивленно посмотрел на рабби Шнеур-Залмана, поблагодарил и сказал, что соли здесь больше, чем достаточно.

Ребе снова попробовал суп из собственной тарелки, помолчал несколько мгновений и задумчиво произнес: "Да, действительно..." и добавил: "С того дня, как я был в Межерич и стал учеником Магида, я разучился чувствовать вкус еды..."

БЛАГОСЛОВЕНИЕ ИЗ КАРМАНА

Лаг-Баомер был одним из особо праздничных дней для рабби Довбера из Любавичей (Мителер Ребе). Вместе с хасидами он уходил в этот день на природу, и, хотя не омывал руки на хлеб, выпивал немного водки, которую вообще-то ему нельзя было пить по причинам здоровья. В этот день происходило много чудес, особенно для бездетных пар, и весь год люди ждали Лаг-Баомер.

Как-то раз один из хасидов отбыл в Любавичи на Лаг-Баомер, но в силу разных обстоятельств задержался в дороге и опоздал. Он приехал лишь на следующий день. Настроение его было далеко не радостным. Ведь он так надеялся, что Ребе благословит его ребенком, которого они с женой ждали вот уже несколько лет.

Хасид вошел Ребе в комнату и, вздыхая, посоветовал на судьбу. В ответ Ребе улыбнулся: "Не так уж все печально. Я вчера не все раздал. Еще один ребенок лежит у меня в кармане. Как раз для тебя".

В этом же году в семье хасида праздновали рождение первенца.

ОБУВЬ ДЛЯ ГОЛОВЫ

Один из хасидов рабби Шолом-Довбера из Любавичей (Ребе Рашаб) учредил артель по производству галош. Дело пошло. Галоши пользовались спросом. Хасид быстро разбогател и стал подумывать о расширении своей деятельности и усовершенствовании технологии. Постепенно мысли о коммерции вытеснили все остальное.

Кто знает, чем бы это закончилось, если бы не Ребе. Дождавшись, когда хасид прибудет к нему на аудиенцию, рабби Шолом-Довбер покачал головой, развел руками и заметил: "Ноги в галошах я видел довольно часто, но вот голову – никогда!.."

ВЕЛИКАЯ СИЛА ЛЕХАИМ

Несколько евреев из числа противников движения хасидизма пришли как-то к рабби Исроэлю из Ружина, чтобы обсудить с ним «недостатки» хасидского учения.

"Мы, по крайней мере, стараемся ходить путями Б-га, - излагали они свои аргументы, - мы устанавливаем себе время для изучения Торы. Мы начинаем молитву едва рассветет, и когда молитва заканчивается, мы садимся за изучение Мишны... А что делают те, кто именуется хасидами? Мало того, что они не молятся в предписанное законом время, так они еще, закончив свою молитву, садятся и пьют водку! И получается, что они - хасидим ("благочестивые"), а мы - миснагим ("противники")! Не наоборот ли?.."

Присутствовавший при разговоре шамеш Ружинского Ребе не сдержался: "Вы, миснагим, служите Б-гу холодно! - закричал он. - В вашем служении нет ни капли тепла, как в мертвом теле! А каждый знает, что в память

об умершем принято изучать Мишну!.. Но когда хасиды служат своему Творцу, в их сердцах и душах горит огонь! Огонь – это тепло и жизнь! А живому человеку немного водки никогда не повредит!.."

Праведник выслушал обе стороны и сказал: "Ответ моего шамеша не стоит принимать близко к сердцу. Но раз уж речь зашла о молитве... Вы, наверняка, знаете, что с того самого дня, как был разрушен Храм, наши молитвы заменяют ежедневные жертвоприношения. Кроме того, наши мудрецы учат нас, что время для ежедневных молитв соотносится с временем ежедневных жертвоприношений. И как жертвоприношение не может считаться действительным и отвергается Всевышним, если сопровождается иными намерениями, так же и с молитвой: она не способна подняться высоко, если ее сопровождают посторонние мысли. Об этом знает наше злое начало и всеми силами старается отвлечь человека во время молитвы, сбивая его мысли и мешая ему."

Но хасиды изобрели средство против этого. После молитвы она садятся, выпивают немного водки, говорят другу другу лехаим, и когда кто-то делится своими горестями, другой обязательно ему отвечает: "Дай Б-г, чтобы удостоился ты Свыше всех благословений!" Согласно закону Торы, молитву можно произносить на любом понятном тебе языке. Так что эти простые слова тоже принимаются на небесах как молитва. И вот здесь уже злому началу нечего сказать. Ведь когда оно видит, что евреи едят, выпивают и беседуют на обычном, несвятом языке, оно думает, что все это – простое удовлетворение физических желаний, но никоим образом не молитва!.."

НЕНУЖНЫЙ ПРАЗДНИК

Девятого Ава, в самый печальный день еврейского календаря, Ружинский Ребе ни на мгновение не погружался в чрезмерную меланхолию. Хасиды, свято следуя своему Ребе, тоже не особенно грустили в этот день. Как-то они занялись тем, что стали бросать друг в друга колючки репейника. А когда «наигрались», решили забраться на крышу синагоги. Оттуда они спустили на крыльцо веревку с петлей на конце. Каждого входящего и выходящего они ловили этой петлей за ноги или за пояс и поднимали на крышу. Шутка срабатывала безотказно, но не была учтена одна деталь: глядя сверху, трудно было определить по шляпе и сортуку, кто является их обладателем. Очень скоро, подтягивая к крыше очередную жертву, хасиды к своему великому ужасу узнали в ней своего Ребе.

Бережно опустив Ребе на землю, хасиды приготовились к самому худшему. Но вдруг услышали: «Владыка вселенной! Если Твои дети не желают соблюдать Твой праздник, заведи его у них!»

ЧТО КУПИТЬ?

А вот история о нашем современнике – мудреце Торы и каббалисте рабби Аврааме-Вольфе Грингласе из Монреаля. Один из местных жителей, молодой, наивный парень однажды обратился к рабби Грингласу со следующим предложением: "Рабби, давайте, вы будете учить меня Каббале, а я буду за это прислуживать вам. Если, например, вам нужно будет что-то купить, то я пойду и куплю это для вас!" "Да, я действительно хочу что-то купить, - ответил рабби Гринглас, - я очень хочу купить страх перед Небесами!.."

УЧИТЕЛЬ РЕБЕ

из записок рабби Йосеф-Ицхака Шнеерсона

Продолжение, начало в №№ 1-2

ЗНАК

После того, как отчим исполнил свое обещание и выгнал его из дому, Шмуэль-Бецалель отправился в синагогу. И хотя его бывшие собратья не выгоняли его, они всячески старались исполнить предписание рабби Гирша. Юноша услышал в свой адрес множество проклятий и оскорблений.

Первый день Шмуэль-Бецалель вынужден был голодать. Следующие три или четыре дня он питался лишь сухим хлебом, который приносила ему мать. Так продолжалось до субботы.

В субботу, рано утром юноша подошел к окраине города и стал молиться: «Владыка Вселенной! Я желаю лишь одного – истинной святости. Если путь, по которому идут мои товарищи, верен, я последую за ними, не колеблясь. Если же верен путь хасидов, я присоединюсь к их общине и последую их путем». После этих слов Шмуэль-Бецалель заплакал.

Возвращаясь обратно, юноша определил для самого себя знак: если первый человек, которого он встретит, и который с ним заговорит, будет хасидом, он присоединится к хасидской общине; если же это будет кто-нибудь из его сотоварищей, он останется с ними. Шмуэль-Бецалель решил полностью положиться на этот знак и взмолился Всевышнему, чтобы Он сжалился над несчастным сиротой и указал ему верную дорогу.

Войдя в город и идя по улице, Шмуэль-Бецалель не встретил ни одного человека. Большая часть жителей еще спала, а знатоки Торы были поглощены своей учебой либо дома, либо в синагогах. Пройдя еще немного, юноша увидел вдалеке рабби Гирша в сопровождении двух его учеников. Это чрезвычайно опечалило Шмуэль-Бецалеля, поскольку сердцем он желал присоединиться к хасидам. И все же надежда пока оставалась. Рабби Гирш был далеко, и Шмуэль-Бецалель еще мог встретиться с кем-нибудь из хасидов. Так и произошло. Несколько хасидов вышли из синагоги, но, к разочарованию юноши, свернули и пошли другой дорогой.

Встреча со своим бывшим учителем была неизбежной, как вдруг из синагоги вышли еще двое хасидов. Один из них оказался тем, к кому Шмуэль-Бецалель обратился за помощью в самый первый раз. Юноша очень обрадовался им, и радость его усилилась, когда он увидел, что хасиды идут в его

направлении. Первый указывал второму на юношу, и было ясно, что они говорят о нем.

Весь город уже твердил историю о талантливом подростке, которому рабби Гирш посвятил столько сил, и который изучал Тору с великим усердием, но все-таки попал в ловушку секты. Люди рассказывали друг другу о том, как юноша был застигнут в синагоге за изучением одной из культовых книг, и о том, как он был избит своим отчимом и вышвырнут на улицу. Очевидно, хасиды тоже говорили об этом.

Подойдя ближе, Шмуэль-Бецалель поздоровался с ними и пожелал хорошей субботы. «Что же нам с тобой делать? – спросил первый. – Ты – безнадежный случай. Если ты отказываешься от всего, что с тобой произошло, ты не заслуживаешь быть хасидом!..»

И тогда Шмуэль-Бецалель рассказал обо всем, что случилось с того самого дня, когда его застали врасплох за изучением Тании. Он описал все свои страдания и рассказал о знаке, который установил для себя прежде, чем войти в город. Сейчас он готов стать членом хасидской общины и сделает все, что они ему скажут.

РАСПРАВА

В понедельник рабби Гиршу и отчиму Шмуэль-Бецалеля стало известно, что юноша примкнул к общине хасидов. Тогда отчим начал изводить мать юноши всевозможными угрозами и проклятиями, что причиняло ей великие страдания и боль. Будучи умной женщиной, она послала за сыном, чтобы выслушать и его тоже. Когда Шмуэль-Бецалель рассказал матери обо всем происшедшем, она вынуждена была признать, что ее сын выбрал верную дорогу и должен следовать по ней.

Хасид, к которому Шмуэль-Бецалель обратился за помощью, стал ежедневно заниматься с юношей. Сначала они изучали Танию, повторяя каждую главу четыре или пять раз. Также они взялись за изучение книги Мителер Ребе (Второго Ребе ХАБАДа) «Шаарэй Ора», которую юноша изучал усердно, испытывая большое удовольствие от учебы. Каждый изученный вопрос юноша повторял несколько раз, были даже случаи, когда он по двадцать или тридцать раз повторял один и тот же отрывок, чтобы постичь всю глубину написанного.

Однажды Шмуэль-Бецалель встретился на улице с рабби Гиршем. Учитель был не один. Его сопровождали несколько учеников. Юноша почтительно поздоровался со своим бывшим наставником. Рабби Гирш, не отвечая на приветствие Шмуэль-Бецалеля, спросил, раскаялся ли тот в своих грешных деяниях. Юноша переменял тему и задал рабби Гиршу несколько серьезных талмудических вопросов, которые он на днях изучал. Рабби Гирш на некоторое время задумался, а затем объяснил затронутую тему во всей ее глубине, оспаривая при этом комментарий мудрецов. Тогда Шмуэль-Бецалель объяснил вопрос, как он его понимает. Рабби Гирш был искренне потрясен этим объяснением и открыто признал подобное толкование самым лучшим из всех, которые он когда-либо слышал. Он также вынужден был признать, что успехи его бывшего ученика в изучении Талмуда намного превышают его прошлые достижения с того самого дня, как они расстались.

Шмуэль-Бецалель начал рассказывать рабби Гиршу и сопровождавшим его ученикам об основах учения хасидизма: о вере в Б-га, о провозглашении Его единства, о любви к Нему и страхе перед Ним. Тот, кто не знаком с учением хасидизма, говорил юноша, не сможет правильно исполнять эти заповеди. В свете учения хасидизма даже изучение Торы и исполнение заповедей, касающихся отношений между человеком и человеком, поднимаются на более высокий уровень.

Шмуэль-Бецалель продолжал бы свою беседу и дальше, но внезапно один из сопровождающих рабби Гирша с размаху ударил юношу по лицу. Шмуэль-Бецалель отшатнулся, пытаясь устоять, но из его рта и носа хлынула кровь, и он упал, потеряв сознание.

Придя в себя, Шмуэль-Бецалель обнаружил, что лежит на полу в синагоге хасидов. Они и рассказали ему, что случилось дальше.

...Потерявшего сознание юношу продолжали избивать. Кто-то даже предложил забить отступника до смерти, но рабби Гирш и еще несколько человек выступили против. Они послали за хасидами, и те немедленно пришли. С помощью рабби Гирша и других людей Шмуэль-Бецалеля перенесли в синагогу.

Юношу пытались привести в чувство всеми доступными средствами, но он продолжал лежать без сознания. Тело его горело, глаза были закрыты, а рот полуоткрыт. Доктор, который осмотрел Шмуэль-Бецалеля, сказал, что дело серьезное, прописал различные лекарства и назначил процедуры. Лишь по прошествии трех недель юноша открыл глаза и начал постепенно узнавать людей.

Он ничего не помнил из того, что с ним произошло: ни встречи с рабби Гиршем, ни обсуждения вопросов Талмуда, ни своей речи об учении хасидизма, ни жестокой расправы, которую учинили над ним его бывшие товарищи. Даже после того, как Шмуэль-Бецалель полностью поправился, хасиды никуда не отпускали его одного, так как боялись, что его снова могут избить. Поэтому он проводил время в доме реб Моше, участь под его руководством, а в синагогу ходил только в сопровождении кого-нибудь из хасидов. Так он продолжал изучать открытую часть Торы и философию хасидизма до середины месяца Шват.

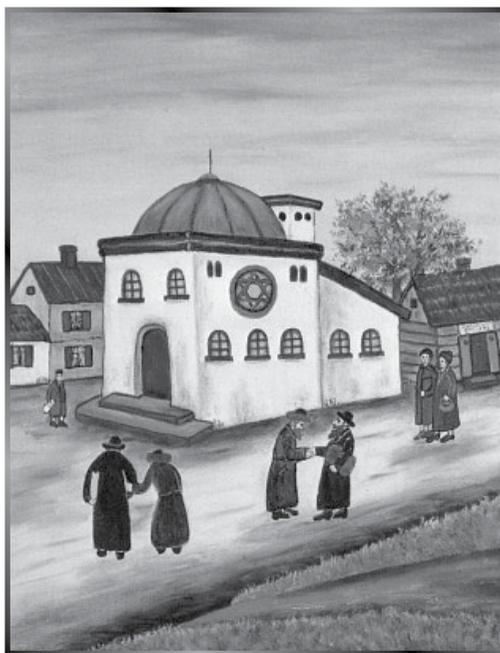
РЕШЕНИЕ

Общение с хасидами вдохнуло в Шмуэль-Бецалеля новую жизнь. Душа его наслаждалась новыми открытиями, а разум жадно впитывал новые знания. Хасиды относились к юноше с любовью и вниманием, старались во всем помочь. Постигая азы хасидского учения,

Шмуэль-Бецалель все больше убеждался, что это – Истина в самом буквальном смысле этого слова.

Способности Шмуэль-Бецалеля к учебе были поразительными. Он обладал замечательной памятью, аналитическим умом, усердием и целеустремленностью.

Вскоре встал вопрос о дальнейшей судьбе юноши. Оставаться в Свенцянах он больше не мог. Во-первых, его жизнь постоянно была под угрозой, а во-вторых, ему требовался настоящий учитель – хасид, всецело посвятивший свою жизнь изучению Торы, молитве и служению. Посоветовавшись между собой, хасиды пришли к заключению, что юноше нужно найти опытного наставника, который сможет подготовить его к главному шагу – встрече с Ребе. Но кто станет для него таким наставником? В результате горячих дебатов хасиды остановились на кандидатуре рабби

Михеля Опоцкера. Рабби Михель был хасидом Алтер Ребе, обладал замечательным сердцем, и, кроме того, все знали, что ему раскрыты Б-жественные тайны, не доступные простому смертному.

Шмуэль-Бецалель узнал о планах хасидов на следующий день от реб Моше, у которого он жил. «Рабби Михель Опоцкер поможет тебе в учебе и раскроет секреты «служения сердцем», молитвы, - сказал реб Моше. - После этого ты отправишься в Любавичи, к Ребе», - реб Моше улыбнулся и добавил: «Согласен с таким решением?» Сердце Шмуэль-Бецалеля учащенно забилося. Отправиться в Любавичи, увидеть Ребе, услышать от него слова Торы!.. Конечно же, он согласен!..

Один из хасидов, который часто ездил в Любавичи по торговым делам и всегда проезжал через Опоцк, предложил взять Шмуэль-Бецалеля с собой. Эта идея пришлась хасидам по душе, и юноша стал собираться в дорогу.

ПРОЩАНИЕ

И все же настоящей и полной радости не было. Смутное беспокойство закралось в душу, тревожа мысли и чувства юноши. Шмуэль-Бецалель попытался разобраться в этом и понял, что его смущает: он уезжает, даже не попрощавшись со своим бывшим учителем, рабби Гиршем. Эта мысль сменилась другой. Слишком велики были унижения и страдания, которым он подвергся со стороны своих бывших товарищей. И вот теперь – снова идти к ним? Никогда! С другой стороны, ведь именно учитель, когда юношу избивали, заступился за него и буквально спас от смерти.

Мысли сменяли одна другую с молниеносной быстротой. «Разве руководить моими поступками должна ненависть? Неужели хасиды не подвергались унижениям от своих противников на протяжении стольких лет? И разве Алтер Ребе не просил в своем послании «не быть высокомерными по отношению к своим братьям, не разговаривать с ними грубо, не выказывать им пренебрежение»?

После долгих размышлений Шмуэль-Бецалель решил, что должен попрощаться со своим бывшим учителем. В конце концов, он уезжает надолго, и кто знает, увидятся ли они когда-нибудь снова...

Никому из хасидов юноша о своем решении не рассказал, поскольку не без оснований опасался, что те его просто-напросто не отпустят. Кроме того, в душе зрела тревога за непредсказуемость поведения его бывших собратьев. А вдруг они снова набросятся на него и изобьют до полусмерти? Но желание попрощаться с учителем пересилило все страхи и переживания, и Шмуэль-Бецалель отправился к рабби Гиршу.

Войдя в дом учителя, Шмуэль-Бецалель застал его за томом Талмуда в окружении двух уче-

ников. Дискуссия была в самом разгаре. Прямо с порога Шмуэль-Бецалель уловил суть спора и чрезвычайно обрадовался: именно эту тему он только что проходил. Это послужило отличным поводом подключиться к беседе. Рабби Гирш был рад встрече, но поначалу не подал виду. И все же чувство любви к бывшему ученику взяло верх. Он осведомился о духовном благополучии юноши. После короткой беседы рабби Гирш с удовлетворением отметил, что «секта» не совратила мысли и сердце его ученика.

Оставшись наедине, учитель и ученик смогли, наконец, открыть друг другу свои чувства. Разумеется, беседа зашла о хасидах, к которым себя сейчас причислял Шмуэль-Бецалель, и их противниках, к лагерю которых принадлежал рабби Гирш. Юноша перечислил все добродетели, которыми

обладают хасиды, а затем – как противопоставление – недостатки, над которыми нужно работать их противникам. Выслушав Шмуэль-Бецалеля, рабби Гирш вынужден был признать его правоту. Кроме того, он не пытался ни оправдать противников хасидизма, ни даже хоть как-то ответить на обвинения в их адрес.

Беседа с бывшим учеником произвела на рабби Гирша самое благоприятное впечатление,

и он стал расспрашивать юношу о его успехах в учебе. Шмуэль-Бецалель рассказал о том, что его друзья, взявшие над ним опеку, решили отправить его к одному из самых великих хасидов. Тот будет обучать юношу путям служения Всевышнему, а затем отправит его в Любавичи, к Ребе. «Поэтому я пришел попрощаться с вами, учитель», - добавил Шмуэль-Бецалель.

Услышав о том, что ученик покидает его и, возможно, навсегда, рабби Гирш чрезвычайно огорчился. Да, конечно, он слышал о гении Любавичского Ребе, но, как ему кажется, для юноши лучше было бы остаться дома, в Свенцянах, чтобы хотя бы еще два или три года они могли вместе изучать Талмуд.

Шмуэль-Бецалель твердо, но вежливо отклонил предложение своего бывшего учителя и добавил: «Мои друзья мне часто повторяют, что если еврей изучает Тору без хасидского подхода, он, упаси Б-г, может забыть Того, Кто нам ее даровал». Юноша заверил рабби Гирша в том, что хасид, к которому он отправляется, поможет ему в его духовном становлении.

Рабби Гирш, не скрывая слез, попрощался со своим бывшим учеником. «Умоляю тебя, - произнес он дрожащим голосом, - я не знаю, что ждет тебя дальше, но что бы с тобой ни случилось, постарайся хотя бы исполнять заповеди Торы...»

Продолжение следует

Эли Люксембург

Волчонок ИТРО

Продолжение, начало в №№ 1-2

Утолив первый голод материальных страстей, голод жадных, нездешних глаз, мы после расчета стали оставаться у Петуха подольше. Не летели после работы, как сумасшедшие, к Мусорным воротам, не мчались, сломя голову, мимо священной Стены плача, не рвали из рук Петуха свои кровные лиры, чтобы поспеть к закрытию магазинов на улице Яффо, а стали вкушать от пищи духовной.

Первым делом наш босс и благодетель дал нам понять, что у каждого в мире еврея, и у нас в том числе, есть доля и право на Храмовую гору. Право наследников, хозяев, чем немало нас удивил.

Было здесь поле и гумно у некоего йевусея, и царь Давид решил это место откупить. Не взял даром, как тот ему предлагал, и не заплатил из казны, а откупил! Поделил на все двенадцать колен, чтобы каждый израильтянин внес свою долю. И вышло как есть у нас право на владение гробницей в Хевроне, что записано в Торе, так есть оно и на Храмовую гору...

Но не позволил Б-г Давиду строить Храм, ибо был он человеком воинственным, много крови пролил, а назначение Храма жизнь и мирные жертвы: Б-г возжелал, чтобы Храм был воздвигнут руками сына его, Соломона.

Сорок лет продолжалось строительство, и не коснулось камней железо, ибо железо тоже символ убийства. Обтачивал камни червь "шамир", похищенный Соломоном у князя тьмы Асмодея. Был этот червь размером с ячменное зерно, жил в свинцовой коробочке, высланной ватой, но пожирал камни проворно. Так и хранился у Соломона.

После таких вступительных лекций Петух отпирал решетки и приглашал нас в глубокие мрачные тоннели, где велись секретные раскопки. Подводил к глубоким шахтам, включал прожектор и там, в немыслимой глубине, показывал основание Храма блоки, уложенные зодчими царя Соломона, будто вчера уложенные, и с точностью ювелирной.

«Разве скажешь, что этим камням три тысячи лет?» - спрашивал шепотом. И вел дальше, уже под Храмовой двор, под скалу Святая Святых, к «основанию мира и всей Вселенной».

За завесой Святая Святых, куда раз в год, в Судный день, входил первосвященник, находились обе скрижали, принесенные Моисеем с Синая... Открыл Б-г Соломону, что Храму его предстоит быть разрушенным. И Второму тоже... А Третий спустится с неба и стоять будет вечно! И сделал Соломон устройство, известное только левитам. Приведенное в действие, оно опустило скрижали в земные недра... Где-то здесь скрижали и должны находиться. Их мы как раз и ищем!

Так мы в то лето и жили артелью трех боксеров, скрывая от всех остальных на нашем учительском семинаре курган с раскопками, археолога Петуха и внезапную свою зажиточность. В тайну наших ночных приключений был посвящен лишь один человек руководитель спортивной секции на семинаре Нафтали Бен-Галь, бодренький старичок, похожий на покойного Джека Сидки, заботливо, по-отечески нас опекавший.

По пятницам нас отпускали. Я возвращался к семье, в Ашкелон, купался в море, загорал на пляже, набираясь сил на неделю, а в воскресенье утром снова летел в автобусе в Иерусалим.

Артур с Максимом много ездили. Свои субботние дни проводили на стадионах, в спортивных залах. Искали бокс, но бокса в Израиле так и не нашли, а потому становились все мрачнее, покуда не впали в отчаяние.

«Пустыня! - хватались они за головы. - Куда приехали? Тут и братья не за что, не с чего начинать! И не хотят они бокса! Не знают, с чем его кушать...»

Приближался сентябрь, начало учебного года, нам предложили преподавать физкультуру в школах. И мы согласились. Решили начать с мальчишек.

Тем временем мы все трое получили квартиры в новом каменном доме, чудненькие три квартиры. И совсем смирились: «Слава Б-гу, хоть жить будем вместе...».

* * *

Однажды Петух привел нас на новый участок. Пирамиду с лебедкой велел не брать. Был он взволнован, нервничал, говорил, что работа пустяшная, но есть в ней опасность. Тащить ничего не надо, только набросить ремни, цепи и закрепить узлы. Утром прилетит вертолет и все вытащит. Человеку та тяжесть не под силу.

«Вы только берегите себя! Ради Б-га, себя берегите!» - заклинал он нас.

По веревочной лестнице мы сошли в глубокую, узкую траншею. Из нее под углом в сорок пять градусов торчал чудовищный блок. Такой нам ни разу не попадался! В траншее было темно и тесно. Качнись эта штука на сантиметр, не увернуться, и всем троим могила!

Держался блок на подпорках.

«Что за идиоты у вас тут копали! - раздраженно крикнул Артур. - Вас что, не учили технике безопасности?»

Петух, оставшийся наверху, не расслышал его или не понял. Он стал бросать нам цепи и ремни, направлять спящий прожектор. Крикнул, чтобы скорее вязали, суетились поменьше и не касались подпорок.

Мы стали соображать и советоваться. Весь расчет мог строиться на одном: какая часть блока еще в земле? Если большая, то можно на него и взобраться, если же нет и весь он уже окопан, то камень, пожалуй, превратится в надгробный.

Артур уперся, пробуя его устойчивость. Потом перебросил ремень, свел оба конца и повис, сильно подергав.

«Ну, братцы, была не была, где наша не пропадала!»

Он поднялся по лестнице и взошел на блок, прохаживаясь над нашими головами.

Помню, успел я еще подумать, мрачно иронизируя: «По нему-то “Кадиш” говорить не будут, а вот по мне и Максиму...». В эту минуту затрещали подпорки. Я в ужасе успел заметить, как блок стал медленно накрывать нас, и инстинктивно вытянул руки. Страшная тяжесть навалилась на меня, подмяла, точно былинку. Мелькнула, помню, картина: стою в ашкелонском парке между колоннами капища, воображая себя Самсоном: «Погибни душа моя...». Вот ты и гибнешь, Феля! Так с твоим предком и было!

Артур визжал на блоке каким-то бабьим, истерическим голосом. Предсмертным матом крыл неизвестно кого Максим, наверху орал и визжал Петух. Кричал и я, конечно, а что не помню... И вдруг я стал выпрямляться. Подумал тут же про Максима: «Ну и дед, ну и силища! Он и есть настоящий Самсон! Горилла эдакая...». Я видел, задрав голову, как верхний торец блока выплывает из траншеи. Бесконечной тушей, как кит, как подводная лодка. И, продолжая лишь направлять блок, перебирал руками, покуда не опустела траншея.

С минуту было тихо. В синем, кинжальном свете прожектора плясала пыль. Чертыхаясь и подывая, я тер кулаками глаза, сослепу спотыкаясь об искривленные, изломанные подпорки.

«Ну, что, живы?» - прохрипел сверху Артур.

«Живы, вроде, а ты? - отозвался Максим. - Ты-то как наверху оказался?»

«Вы меня с блоком и вынесли...»

Прочистив, наконец, глаза, я стал прозревать. «Чертовщина какая-то! Не шутку ли выкинул с нами Петух?! Уж слишком легкий, бутафорский камень какой-то... Да, но ведь вначале он был тяжелый, как смерть! Что же с ним случилось? Колдовство, чудо? А почему бы и нет? Петух намекал, что изучает Кабалу, говорил, что может и показать кое-что. Вот и показал, сотворил...».

Мы выбрались из траншеи. Петуха было не узнать другой человек! Словно бесноватый, он бегал вокруг громадного параллелепипеда, облепленного сырой землей. Борода его развевалась, пейсы размотались, шляпу он потерял.

«Чудо, евреи, древнее чудо! - воздевал он руки к звездному небу, рвал и тербил полосатый халат. - Благословен Ты, Г-сподь, давший мне дожить до этого дня, увидеть своими глазами!»

Подошел и я к блоку: высота его доходила мне до груди, ширины же в нем было метров шесть, не меньше. Постукал его ботинком, качнуть попробовал бутафорским он не был, нет! Пронзенный чем-то внезапным, я покрылся мурашками. Вдруг тоже захотелось воздевать руки, бесноваться, выкрикивать... Но удержался, с трудом удержался.

Артур с Максимом пришли в себя быстро. Они взобрались на блок, принялись прыгать там, как дети, и громко орать: «Вертолет отменяется, все деньги наши!»

Мы смотали лестницу, выбрали из траншеи цепи, ремни, спрятали все в сарайчик и пошли к Стене плача. Зайдя в сводчатый закуток, мы заперлись за решеткой.

Весь истерзанный, с блуждающими глазами, Петух принялся объяснять нам, что, по его мнению, случилось, что произошло с нами сейчас.

На египетских пирамидах работали сотни тысяч рабов, волокли камни вручную, волокли на катках, подъемниках. Люди гибли, как мухи. Ничего подобного при строительстве Храма не было. Предание гласит, что камни плыли по воздуху, точно ложась туда, где им

было велено. Поднимались и плыли по Слову, в котором заключено одно из имен Б-га... «Только что вы это видели сами. Об этом мы должны известить мир! Согласны со мной?»

«Ну, вот это самое я и подумал! Он кабалист и знает заветное Слово!».

Поинтересовался: «И это Слово вы вовремя успели произнести?»

«В том-то и дело, что нет! Это одна из величайших тайн. Этим Словом владели пророки, Соломон знал его... Может, вы сказали его, сами того не ведая? Что вы кричали в траншее, вспомните?»

«Не помню», - пожал я плечами.

«А хрен его знает, - хихикнул Максим. - Мать-перемать вашу, кричал...»

«Что-что? Что вы, Максим, кричали?»

«Ничего интересного, - ответил Артур. - Матюгались, как сукины дети. Как все нормальные люди».

«Евреи, мы видели чудо! - снова сказал Петух. - Я предлагаю составить сейчас документ, и всем четверым под ним подписаться юридический документ по всем правилам. Поднимемся в раввинат при Стене плача и заверим печатью при авторитетных свидетелях. Народ Израиля и весь мир должны узнать о чуде с храмовым камнем. Таков долг каждого еврея о чуде ни в коем случае не умалчивать, а широко об этом оповещать. О славе Г-спода Б-га нашего, отныне и во веки веков!»

«Чушь, бред сивой кобылы! - воскликнул Максим. - Не стану я ничего подписывать!»

Ударил себя в грудь кулаком и навис над растрепанным Петухом грозной тушей.

Максим кричал, что с детства отличался живучестью, везением и неслышанной физической силой. В Бабьем Яру его, ребенка, расстреляли вместе со всеми родственниками. Вместе со всеми киевскими евреями. Будучи погребенным под целой горой трупов, он выбрался ночью и ушел. Не утонул в море крови, не умер от горя и ужаса, не был задушен, раздавлен, сам себя раскопал и ушел...

«Такое ты слышал когда-нибудь? - гремел он. - Такое ты можешь себе представить?»

И обратился к нам, ко мне и к Артуру: «А кто в Союзе был чемпионом в тяжелом весе? Кто валил Королева на ринге? Выбрасывал его за канаты, это страшилище, эту гору мяса?»

И мы подтвердили: да, Максим Зильбер! Чемпион в тяжелом весе абсолютный... Сильнее Максима не было человека в России – исторический факт.

«Вот вам о чем составить бы документ, господин Петух! Не Б-г и не вертолет вам выволокли эту штуку, а я! Вот с каким чудом столкнулись вы, милый! Об этом и сообщите миру, сообщите всему Израилю!»

Он сел, тяжело отдуваясь, сопя от возмущения.

Затем разверз уста Артур Флорентин, человек разумный, ученый. Он не спеша все объяснил Петуху, по-профессорски, как мальчишке, с явной иронией: «Известно ли вам, дорогой господин, что рекорды в тяжелой атлетике доходят нынче чуть не до тонны? Что человеческий организм в критические моменты способен взорваться, как бомба, совершая при этом необыкновенное, уму непостижимое. И если имеете хоть чуточку представление, о чем я вам говорю, то должны принять во внимание, что мы еще и спортсмены выдающиеся...»

Артур продолжал рассуждать о скрытых возможностях человеческого организма, а Петух горестно качал головой, окаменев от растерянности, чуть не плакал.

Обвел нас печальным взглядом и произнес: «Вы мне напомнили сейчас Валаама, Итро и Ийова. Каждый из них имел свое мнение о Б-ге евреев. Каждый получил по вере своей. Должно быть, и вы получите... Я только скажу напоследок, что есть на все воля Всевышнего! Но лишь в одном человек свободен – в выборе власти Б-га над собой. Бояться Его или же нет! Берите свои деньги и идите. Больше я вам ничего не скажу»...

...Разрушив иудейский Храм, возвращался в Рим на корабле Тит-император. И гордился собою: «Силен, говорят, Б-г Израиля на море, на водах. Зато на суше сумел я Его одолеть!».

И хохот раздался с небес: «Нечестивец, сын нечестивца! Зачем Мне с тобою бороться? Есть творение в Моем мире ничтожнейшее из творений, с ним ты и поборись!».

Сошел Тит на берег, и тут же влетел ему в нос комарик. Засел в голове и принялся точить мозг. Семь лет мучил, доведя его до безумия, одержимости. Умирая в жутких страданиях, завещал император: тело мое сожгите, а пепел развейте над всеми морями, чтобы Б-г евреев не смог меня отыскать, не призвал на суд за речи мои надменные.

Так сообщает Агада одно из преданий о Храме: о слабом комарике, о долгих страданиях Тита, великого римского императора. Давно это было...

Мы же, как известно, в двадцатом веке живем. Иные времена. Скорости у нас чуть не космические. И стали скоро сбываться слова Петуха. Очень скоро, я бы сказал, мгновенно!..

Окончание следует

БАЛЛАДА о брошенном корабле

ШОЛЕМ ЛУГОВ

В прошлом номере нашего журнала мы рассказывали о колумбийском музыканте, превратившем грозный автомат Калашникова в мирный музыкальный инструмент. Событие это, негромкое и на первый взгляд не такое уж значительное, все же можно назвать одним из кусочков мозаики – картины, описывающей наступление эпохи Мошиаха: «...Перекуют мечи на серпы, а копья превратят в садовые ножницы. Народ не занесет свой меч над другим народом, и не познают они более войны».

Продолжая тему разоружения, мы хотим познакомить нашего читателя с еще одним любопытным материалом...

«Орискани»

«Минск»

Американский авианосец «Орискани» обрел, наконец, заслуженный покой.

Послужной список и краткая биография этого военного корабля таковы. Названный в честь одного из сражений Войны за независимость США, авианосец был спущен на

воду в 1950-м году. Участвовал в боевых операциях американских вооруженных сил в Корее в 50-е годы и во Вьетнаме в 60-е. В 1962-м году президент Джон Кеннеди использовал его для демонстрации мощи военно-морского флота США во время Карибского кризиса. В 1976 году судно было списано.

Продержав списанный авианосец в бездействии почти тридцать лет, американские ВМС все же нашли ему более достойное применение. Корабль решили... затопить! Затопить – с целью создания крупнейшего в мире искусственного рифа.

Церемония состоялась на побережье Мексиканского залива, в 39 километрах от города Пенсаколы (шт. Флорида). Ветераны двух войн, называвшие «Орискани» своим домом, провожали авианосец на 300-х лодках.

Получить согласие природоохранных властей США на проведение такой операции было нелегко. Первоначально эксперты опасались, что содержащиеся в краске, электропроводке и других фрагментах судов токсичные вещества могут нанести вред окружающей среде. Однако в итоге было установлено, что по мере коррозии корабля химикаты будут постепенно разлагаться в соленой воде, и опасности для морской жизни и людей не будет.

И вот, наконец, в мае 2006 года 266-метровый американский авианосец величественно опустился на дно Мексиканского залива. Вся процедура заняла 37 минут.

«Орискани» стал самым большим кораблем в мире, преднамеренно потопленным для создания рифа. Также он стал первым судном, пущенным на дно в рамках программы ВМС США по превращению в искусственные рифы списанных военных кораблей.

Бывший авианосец превратился теперь в дом для многочисленных видов рыб, крабов,

водорослей и популярное место для дайвинга: глубина дна здесь достигает 64 метров. По данным Университета штата Флорида, недостатка в туристах не будет, а за счет этого в экономику региона ежегодно будет поступать до 92 млн. долларов.

Похожая судьба ожидала и авианосец «Минск», бывший флагман Тихоокеанского флота СССР.

Корабль был спущен на воду в 1975 г. и через три года, после достройки и испытаний, вступил в строй. В ноябре 1978 г. его включили в состав Тихоокеанского флота. Авианосец предназначался для поиска и уничтожения подводных лодок, а также нанесения ракетных ударов по надводным кораблям противника. Достоинство отслужив свой срок и совершив ряд походов боевой службы, «Минск» был списан в 1995 г. и отбуксирован в Южную Корею для разделки его корпуса на металл. Но все же ему суждено было избежать столь суровой участи.

Вскоре китайская компания «Ситик Шэньчжэнь» приобрела бывший советский авианосец за 128,3 миллиона юаней (около 16 миллионов долларов). В течение последних нескольких лет корабль стоял на причале в одном из пригородов Шэньчжэня и использовался как военный музей и парк развлечений.

«В течение ближайшего месяца мы проведем все необходимые исследования, после чего намерены начать инвестиции в «Минск» для того, чтобы превратить его в суперсовременный развлекательный центр, — заявил журналистам генеральный менеджер компании «Ситик Шэньчжэнь» Гао Чжичжун. — Хотя даже сейчас корабль приносит неплохую прибыль, поэтому нам кажется, что мы заключили выгодную сделку».

ВИТРАЖНЫХ ДЕЛ МАСТЕР

МИЛА РОЗЕНБЕРГ

Невозможно равнодушно пройти мимо витражей Леонида Гринберга. Даже случайно брошенный взгляд на его картины заставляет остановиться, начать вглядываться в детали. Сердце наполняется особенной теплотой и симпатией к героям витражных полотен. Все они, словно сотканые из различных оттенков радуги, пронизаны лучами солнца и вместе образуют единое живое пространство. В нем светло и празднично располагаются старый еврей у Стены Плача в Иерусалиме и вестник с шофаром, добрый скрипач и труженик сапожник. Чем дольше всматриваешься в картины, тем яснее приходит понимание, каким огромным терпением и талантом должен обладать Мастер, чтобы из разноцветных осколков витражного стекла сложить единое гармоничное полотно.

Творчество сопровождало Леонида на протяжении всей жизни. Еще в Риге, помимо Политехнического института, он окончил дизайнерский факультет при Академии художеств. Работал инженером, а по вечерам придумывал ювелирные украшения из янтарем, резал по дереву. Так в доме появлялись деревянные статуэтки, украшения. Первый подарок жене, оригинальное украшение, сделал сам - кольцо из медной проволоки, которое долгое время пользовалось неизменным успехом у окружающих дам за оригинальность и изящество.

Но все эти увлечения так и остались в «прошлой жизни». В 1993 году, когда Леонид с семьей эмигрировал в США, по началу было не до этого. Пришлось учиться выживать на новом месте, осваивать новые специальности.

Сегодня это может прозвучать как комплимент герою нашей статьи, но в достаточно зрелом возрасте (55 лет) он весьма успешно окончил Бикмановские курсы. Работал водителем, программистом, сборщиком сложного электронного оборудования...

Все началось с подарка, который дети сделали отцу, зная его пристрастие к ремеслам. Они оплатили курс по знакомству с витражем в Fashion Institute of Technology. Всего двенадцать часов длился курс, но этого ока-

залось вполне достаточно, чтобы Леонид «по уши» влюбился в витражное дело. Занятия вел мастер Руби Баум. Он рассказывал об истории витража, о свойствах стекла, затем показывал, как надо резать и обтачивать стекло, делать и паять кромки. Воодушевленный Леонид с радостью занялся этим редким и удивительным видом творчества. И началось...

Первой была сделана разноцветная бабочка. Она и сейчас украшает одно из окон в квартире Леонида. Потом, в подарок сыну, был сделан абажур для лампы, дочке – два. Дальше – больше...

Мастер сразу же «замахнулся» на витражное полотно. Опыта работы никакого не было, все постигал сам – шаг за шагом. «Огненный Дракон» получился отменный, хотя Леонид и намучился с ним не мало. А затем неожиданная встреча – знакомство с молодым талантливым художником Михаилом Коростий. Его творчество дало новый импульс в создании уникальных витражных работ. Внимательно вглядитесь в работы Леонида Гринберга и вы увидите, как сумел он уловить характеры героев, передать оттенки красок в стекле, использовать игру света. При желании приобрести что-то для себя трудно даже сделать выбор, столь замечательны все произведения. Меня лично покорила «Скрипач» - так и кажется вот-вот польется с картины дорогая сердцу еврейская мелодия...

В Нью-Йорке уже было несколько выставок витражей Леонида. Он принимал участие в выставке в Центральной библиотеке Бруклина где, по инициативе менеджера библиотеки Нелли Разран, постоянно проводятся выставки представителей Гильдии еврейского народного искусства и ремесел. Другая – прошла в Манхэттене, во Всемирной Галерее Изысканных Искусств.

Мастер постоянно в творческом поиске новых сюжетов и композиций. Новые сюжеты – новые художественные образы, а полет фантазии и умелые руки Мастера создадут новые витражи.

Какая картина будет следующей?

Будем радоваться успехам художника, будем ждать новых выставок.

КРУГ ЗАМКНУЛСЯ

29 декабря сего года, в субботу утром был казнен иракский диктатор Саддам Хусейн.

По-разному отреагировал мир на это событие. В Багдаде, в шиитском квартале Бадр-сити, люди танцевали на улицах и стреляли в воздух, празднуя казнь человека, который жестоко истреблял их собратьев. Радовались казни Хусейна и в Иране. Иранское государственное телевидение заявило, что наконец-то закрыто «досье одного из самых преступных диктаторов в мире». С глубоким удовлетворением казнь Саддама Хусейна была встречена в США и Австралии. Но вот либеральная Англия выступила против смертной казни. А пресс-секретарь Ватикана Федерико Ломбардини назвал это событие «трагедией и поводом для скорби».

Что ж, есть и те, кто скорбят. Оплакивают своего земляка сунниты из Тикрита, считая, что умер он смертью «святого воина». Погрузились в траур и палестинцы. Ведь Хусейн никогда не был для них садистом и диктатором. Каждой семье террориста-самоубийцы «лучший друг» палестинского народа переводил по 25000 долларов. Арабы Израиля тоже скорбят. Для них в Бейт-Лехеме открыт «дом скорби», где можно собраться и хором погоревать.

Одним словом, возмездие свершилось. И хотя очень не хочется тратить время и силы на разговоры об этом мерзавце, но ряд любопытных фактов так и просится быть опубликованным.

Не секрет, что Саддам Хусейн совершенно открыто называл себя достойным преемником вавилонского правителя Навуходоносора. Задумав однажды воссоздать одно из семи чудес света, сады Семирамиды, Хусейн распорядился, чтобы на каждом из изготовленных для этой цели кирпичей красовалась надпись: «Вавилон царя Навуходоносора был восстановлен во времена правления Президента Саддама Хусейна». Хусейн жаждал повто-

рить величайший подвиг своего кумира, и главным делом всей жизни считал уничтожение Эрец-Исроэль. Даже проиграв войну в Персидском заливе, он не расстался с надеждой поквитаться с евреями. Лавры древнего царя не давали ему покоя...

Еврейская история – уникальная вещь. Она зачастую предподносит нам самые неожиданные сюрпризы. Особенно, что касается временных параллелей и цикличности дат.

Как известно, первое изгнание и рассеяние еврейского народа произошло около 2500 лет назад, когда тот самый Навуходоносор разрушил Иерусалим и Первый Храм. Известно также, что он не ответил за совершенные им злодеяния. Так вот, Тора говорит нам, что перед раскрытием Мошиаха «Творец вернет Навуходоносора к жизни... и на глазах у всего мира воздаст ему по заслугам».

Многие помнят, что 14 декабря 2003 г. скрывающийся от возмездия Хусейн был пойман и заключен в тюрьму. Этот день по еврейскому календарю выпал на 19 Кислева, Праздник Освобождения, особый хасидский праздник – день Освобождения из царской тюрьмы Первого Ребе ХАБАДа рабби Шнеур-Залмана из Ляд. (19 Кислева принято называть также хасидским Новым годом, поскольку с этого дня началось еще более интенсивное распространение учения хасидизма.)

Спустя полгода, 1 июля 2004 г., Хусейн предстал перед специальным трибуналом по обвинению в геноциде и преступлениях против человечества. Здесь параллельная дата еврейского календаря – 12 Тамуза, еще один Праздник Освобождения, день, когда, в далеком и грозном 1927 г. власть большевиков освободила из застенков ГПУ Предыдущего Любавичского Ребе Йосеф-Ицхака Шнеерсона (к слову, в его день рождения).

5 ноября 2006 года высший трибунал Ирака признал Хусейна виновным в убийстве 148 шиитов в деревне Дуджейл в 1982 году, при-

говорив к смертной казни через повешение. По еврейскому календарю это случилось 14 Хешвана, день, когда в 5621 (1860) г. был завершен особый свиток Торы, написанный в честь рождения Пятого Любавичского Ребе Шолом-Довбера. Написание свитка велел начать его дед, Третий Любавичский Ребе Менахем-Мендел – за три года до рождения внука.

Адвокаты Хусейна, честно отработывая свой гонорар, подали апелляцию, которая была отклонена 26 декабря 2006 года – 5 Тевета 5767. В календаре ХАБАДа этот день называется Днем победы или на арамейском – Дидан Ноцах (букв. «победа наша»). В этот день, двадцать лет назад, суд США признал за хасидами ХАБАДа право владения ценными и редкими рукописями и книгами, которые были бессовестно украдены из библиотеки Предыдущего Любавичского Ребе Йосеф-Ицхака Шнеерсона и перепроданы богатым библиофилам. Это была настоящая победа – на глазах у народов мира.

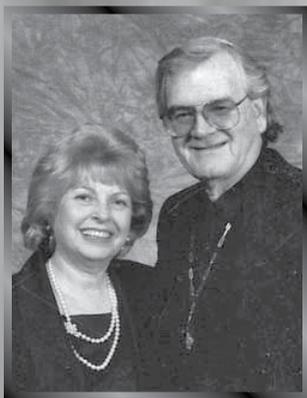
И вот, наконец, 29 декабря приговор привели в исполнение – Саддам Хусейн был повешен. Не помогло даже заступничество лидеров европейских держав, России и Ватикана. Это произошло в субботу, 9 Тевета, накануне одной из самых печальных дат еврейской истории – 10 Тевета, когда двадцать четыре столетия тому назад вавилонский царь Навуходоносор осадил Иерусалим, разрушил Храм и обрек еврейский народ на изгнание.

Но милость и любовь Всевышнего безграничны. Нередко дни траура и скорби обращал Он в дни ликования и веселья, поражая наших врагов у нас на глазах. Так случилось и на этот раз: объявивший себя преемником вавилонского царя был казнен перед лицом всего человечества именно в тот день, когда его предшественник посягнул на величайшую из святынь нашего народа.

Круг замкнулся.

Серебряная чаша для ПРОРОКА

МИХЕЛЬ ШВАРЦ

Биографическая справка:

Художник Михель Шварц родился в Катскилле (шт. Нью-Йорк), в 1926 г. Талант к рисованию проявился у него с самого детства, и в 13 лет он был принят в нью-йоркскую школу искусств. Обучался в йешиве «Торас Хаим» (Бруклин), а затем, с четырнадцати лет, в йешиве «Томхей Тмимим» при «Севен Севенти». Связь с ХАБАДОМ и деятельностью Движения началась с пятнадцати лет и продолжается до сего дня. Работы Михеля Шварца можно увидеть также в Кнессете, в иерусалимском Сити-Холле, в Белом Доме и во многих синагогах и частных коллекциях.

БЕЗ ПОСРЕДНИКОВ

Моя связь с Ребе уходит корнями в далекие сороковые, когда в Европе полыхала война, а Америка толпами принимала беженцев из Старого Света.

Сам Ребе, тогда еще просто рабби Менахем-Мендл Шнеерсон, занимал должность главы трех любавичских институтов, ведающих вопросами еврейского образования и воспитания: «Меркоз Леиньоней Хинух», «Маханэ Исрозль» и издательства «Кехот».

Брошюры и книги – уникальное средство для популяризации и пропаганды новых идей. Ребе прекрасно это понимал и прилагал всевозможные усилия для широкого распространения печатной продукции и периодики, выходящей в свет под его непосредственным руководством.

Кому-то это может показаться несерьезным, но скажу открыто и честно: в развитие деятельности вышеупомянутых организаций внес свою лепту и я.

В 5702 (1942) г. увидел свет первый номер ежемесячного журнала «Talks and Tales». Главными читателями этого издания – по замыслу Ребе – должны были стать подростки, американские юноши и девушки из еврейских семей. Слишком велик был рост ассимиляции в еврейско-американском обществе в те годы. Тора и заповеди постепенно оттеснялись на задний план, а идеалом и целью были провозглашены общественное положение и материальное благополучие. Разумеется, молодежь была главной жертвой соблазнов нового, свободного мира. Ребе, как никто другой, чувствовал нависшую опасность и поэтому всего себя посвятил работе с подрастающим поколением.

Ежемесячник «Talks and Tales» выходил на двух языках – английском и идиш. Небольшой по объему (10-12 стр. среднего размера) журнал содержал массу полезной информации о Торе, истории еврейского народа, о великих еврейских мудрецах прошлого и многое другое. Но помимо этого Ребе решил на довольно смелый поступок: сопроводить популяризацию идей о Торе и Всевышнем иллюстрациями.

Одна из рубрик журнала называлась «Curiosity Corner». Там я должен был размещать несколько фактов, касающихся еврейской истории и обычаев, в виде подборки рисунков с подписями. Это было необычно для такой серьезной темы как Тора.

Воплощать в жизнь нововведения и идеи Ребе было поручено рабби Нисану Менделю. Некоторое время мы работали как бы вдвоем, но, в конце концов, ему это «надоело». «Послушай, – сказал он мне, – почему я должен быть посредником? Получать указание от рабби Шнеерсона, идти к тебе, ждать, пока ты сделаешь наброски, возвращаться с ними к рабби Шнеерсону, снова получать указания, снова идти к тебе, снова ждать, пока ты внесешь исправления... Похоже на игру в испорченный телефон!.. Думаю, было бы больше смысла, если бы вы работали напрямую, без посредников».

Так, юношей пятнадцати лет я впервые встретился с рабби Менахем-Менделем Шнеерсоном, зятем Шестого Любавичского Ребе Йосеф-Ицхака.

В СТИЛЕ РИПЛИ

Рабби Нисан Миндел ввел меня в кабинет и представил рабби Менахем-Менделю Шнеерсону. Тот, читая какую-то книгу, стоял возле книжной полки, глубоко погруженный в свои мысли. Заметив нас, он повернулся, улыбнулся мне и движением руки показал на стул.

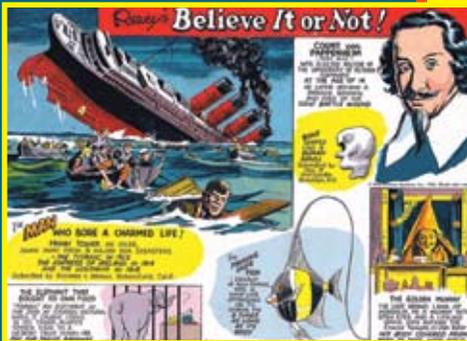
Я был тогда еще слишком юн, чтобы осознать значимость момента. Думал ли я о том, что человек, пригласивший меня в свой кабинет, очень скоро станет главой поколения? Вряд ли... Но твердый взгляд голубых глаз и улыбка – не дежурная американская, а настоящая, радушная – произвели на меня неизгладимое впечатление.

Ребе поблагодарил меня за визит и сказал, что мои работы ему очень нравятся. «Надеюсь, мы еще поработаем вместе», – улыбнулся он и добавил, что собирается реализовать еще несколько проектов для юношества, в которых мне уже отведена роль художника-иллюстратора.

«Иллюстрации – очень сильное средство для восприятия информации, – сказал Ребе. – Особенно в области воспитания. Благодаря рисункам, сопровождаемым подписями, дети быстрее и легче познают мир».

Ребе излагал свои идеи, я внимательно слушал. И вдруг я услышал нечто, заставившее меня вздрогнуть. Ребе, очевидно, почувствовал мое замешательство и повторил: «Да, рисунки должны быть выполнены в стиле Рипли».

Я был поражен до глубины души. Роберт Рипли был автором знаменитых американских газетных комиксов 1910-1940-х годов. В 1918 году он начал рисовать принесшую ему успех серию «Хотите верить, хотите – нет!» о необыкновенных событиях и явлениях. В поисках информации для этого проекта он объездил весь мир. В 1930-х

одна из страниц газеты «Хотите верить, хотите – нет!», издаваемой Робертом Рипли

Рипли выступал на радио с передачами об удивительных курьезах, а вскоре стал ведущим телепрограммы «Хотите верить, хотите – нет!», которая существует и по сей день. В 1936 году американцы назвали Рипли самым популярным человеком года.

Конечно же, я слышал о Роберте Рипли и был знаком с его работами. Но услышать это имя из уст уважаемого раввина, человека, всецело погруженного в Тору, было для меня полной неожиданностью.

Не ощущал я тогда, что Ребе постоянно держит руку на пульсе мира, что он лучше любого другого человека знает и чувствует, чего не хватает человечеству в данный момент времени. Слава Б-гу, у меня хватило ума сдержаться свое изумление. Я просто послушался Ребе, и на протяжении нескольких лет журнал «Talks and Tales» выходил

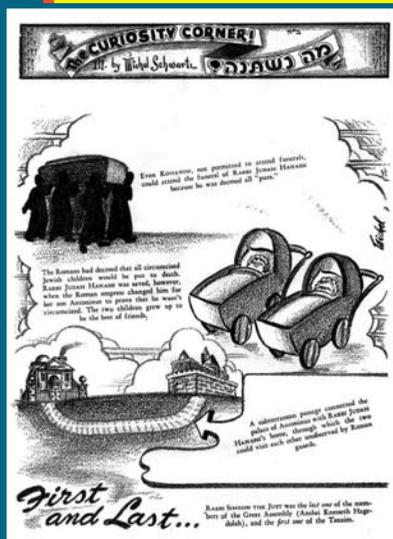
обложка одного из первых журналов «Talks and Tales»

с моими иллюстрациями – в стиле Рипли. Ребе курировал каждый этап моей работы.

НЕТ – ЗАКРУГЛЕННЫМ ВЕРШИНАМ!

В 5704 (1944) г. Ребе попросил меня помочь в создании эмблемы для организации «Меркоз Леиньоней Хинух», ведающей вопросами еврейского образования.

Я изобразил земной шар, на который наложил Скрижали Завета. Вокруг я пустил надпись «Меркоз Леиньоней Хинух» на английском и иврите. Шрифт я использовал современный, поскольку знал, что Ребе предпочитает современный стиль написания,

страница «Curiosity Corner»

хотя большинство еврейских организаций для создания эмблем предпочитали староанглийский шрифт. Ребе вообще поддерживал современное направление как в искусстве дизайна, так и в периодике.

Мой набросок пришелся Ребе по душе. Единственное замечание, которое он сделал, касалось формы Скрижалей. На своем рисунке я изобразил их так, как было общепринято, с закругленными вершинами. Ребе попросил «срезать» вершины, чтобы Скрижали выглядели полностью прямоугольными. «Закругленный верх пришел к нам от римлян, – объяснил Ребе, – от их архитектурного стиля, преваляровавшего в эпоху разрушения Храма. Римляне считали благим делом уничтожать все еврейское, включая даже форму наших символов».

ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ

В учебнике еврейской истории «Our People» («Наш народ»), выпущенном издательством «Кеот» в 5706 (1946) г., помещен ряд карт и хронологических таблиц с рисунками. Все они выполнены мною по указанию Ребе. Я никогда не считал себя картографом, равно как и не испытывал особой тяги к историческим дисциплинам, но все же горжусь выполненной работой. Тем более, что она оказала и оказывает неоценимую помощь тем, кто желает ближе познакомиться с историей еврейского народа и нашим наследием вообще. А в августе 5754 (1994) г. произошел один любопытный эпизод, связанный с моей «географической» деятельностью.

В воскресенье вечером у меня зазвонил телефон. Я поднял трубку. На другом конце провода вежливо поздоровались и представились. Звонил раввин, который составлял книгу, посвященную Исходу еврейского народа из Египта. «Чем же я могу вам помочь?» – спросил я, не скрывая удивления. «Еще раз прошу прощения за беспокойство, – сказал он, – я вам сейчас все объясню». Оказывается, на одном из этапов своей работы он оказался в библиотеке «Севен Севенти», где провел довольно много времени, знакомясь с работами Ребе, касающимися затронутого им вопроса. Неожиданно он обнаружил любопытную карту – схему маршрута еврейского народа через пустыню в землю Кнаан... «В правом нижнем углу этого рисунка стоит ваша подпись – Михель», – сказал он. «Да, – ответил я. – Вспоминаю. Это было в самом начале моей деятельности. Несколько карт и таблиц были составлены мною по просьбе Ребе. И одна из них, действительно, была посвящена Исходу». «Ну, вот, видите! – ответил раввин, воодушевленный моим откликом. – Проблема, однако, в том, что, согласно авторитетным источникам, мною изученным,

у еврейского народа путь был несколько иным. Я уже почти завершил свой труд и вдруг обнаружил вашу карту!..»

Мысленно я посочувствовал этому человеку, но вслух произнес: «Это не моя карта. Все, что я делал в те дни, я делал под непосредственным наблюдением Ребе. Как Ребе видел Исход, так я его и изобразил. Так что прошу принять мои глубочайшие извинения, но помочь здесь ничем не могу». На это мы распрощались. Так и не знаю до сих пор, как решил он эту проблему.

СОЛДАТЫ ТОРЫ

В 5740 (1980) г. во время праздника Суккот, Ребе выступил на одном из субботних фарбрэнгов в «Север Сепенти» и призвал к созданию новой организации, которая объединяла бы еврейских детей всего мира. Ребе предложил назвать ее «Цивос Ашем» («Армия Всевышнего») и объяснил, что вся ее структура должна быть пропитана духом воинской дисциплины. Дети — это солдаты армии Всевышнего, говорил Ребе, они стоят на страже нашего Закона — святой Торы.

Что и говорить, идея «милитаризации» религиозного еврейского учреждения, тем более — детского, сама по себе была новой и необычной. Это была не просто «игра в войну». Здесь на самом деле вводились те же воинские звания — от рядового до генерала, но продвижение по «служебной» лестнице ждало лишь того, кто исполнит как можно больше добрых дел.

Как и все нововведения Ребе, эта идея была немедленно воплощена в жизнь. На исходе субботы несколько молодых активистов движения ХАБАД явились к Ребе в кабинет, где получили

ряд указаний. Ребе, в частности, попросил как можно скорее решить вопрос с эмблемой новой организации. «Свяжитесь с Михаэлем Шварцем, — сказал Ребе, — он поможет».

В десять вечера в дверь моей квартиры постучали. Это были раввины Йосеф Райчик и Мендел Котлярский. Обоим я хорошо знал. Они ввели меня в курс дела и попросили справиться с порученной задачей как можно быстрее. К завтрашнему утру уже планировался выпуск и распространение готовых листовок, брошюр и наклеек от новой организации.

Сказать, что я был удивлен, значит, не сказать ничего. Восхищала энергия и напор молодых людей, которые, пожалуй, даже не представляли себе весь ход творческого процесса. Я, человек абсолютно гражданский, должен был создать за считанные минуты эмблему международной организации с милитаристским уклоном!.. «Ребе ждет нас, — произнес раввин

эмблема организации «Цивос Ашем»

я сделал синим, лунно-звездным, что символизировало ночь. На фоне буквы Цадик я изобразил красный шар солнца, восходящий над желтым полем. Это, по моему замыслу, символизировало день. Общая идея заключалась в том, что солдаты Армии Всевышнего должны исполнять заповеди Торы день и ночь.

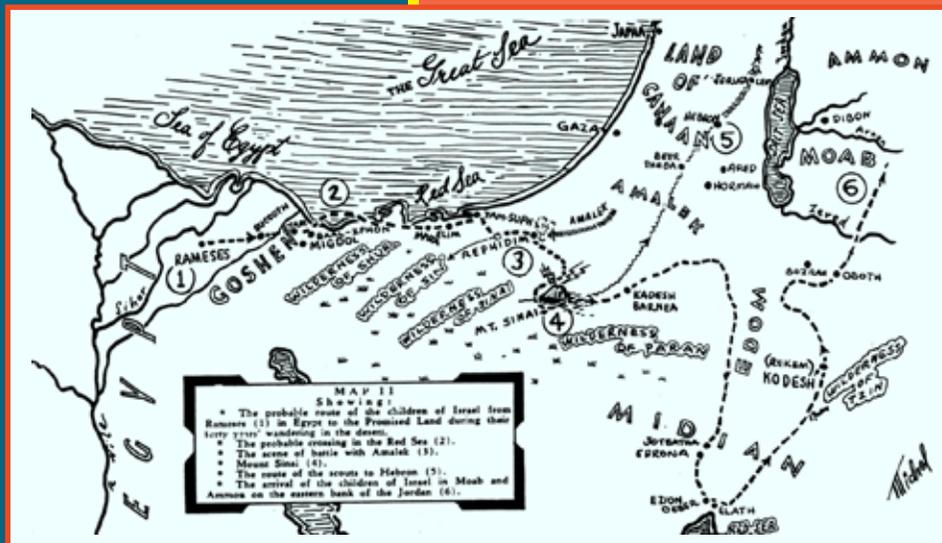
Посланники отбыли обратно, а я принялся ждать результата. Признаюсь, я немного волновался, как, впрочем, и всегда, когда Ребе мне что-то поручал.

Около часа ночи раввины вернулись. Их лица светились радостью. Ребе одобрил общий замысел, и ему понравились форма и написание букв. Были сделаны лишь два замечания:

1. Лунно-звездный фон нужно убрать, чтобы у людей это не вызывало даже намека на связь с идолопоклонством. Фон для буквы Хэй должен оставаться просто темно-синим.

2. Красное солнце на желтом фоне напоминало японский флаг. Поэтому нужно его убрать и сделать простой темно-красный фон.

Я исправил рисунок согласно замечаниям Ребе и увидел, что теперь он действительно приобрел законченность и цельность.

карта Исхода, составленная согласно мнению Ребе

Котлярский, увидев смущение на моем лице. — А потом мы, скорее всего, вернемся к вам», — и добавил: «Чтобы внести исправления».

Я, не произнеся ни слова, взял бумагу и карандаш. Вначале я нарисовал классический шеврон с пятью квадратными зубцами наверху (нечто вроде крепостной стены). Внутри поместил изображения букв Цадик и Хэй (Начальные буквы слов Цивос Ашем). Над буквами шло название организации на иврите, а внизу — на английском. Буквы Цадик и Хэй я разделил друг от друга диагональ. Фон, на котором была нарисована буква Хэй,

Посланники забрали работу с собой и выразили надежду, что больше замечаний не будет. Я, в свою очередь, заверил их в своей готовности, если понадобится, бодрствовать хоть всю ночь.

Никто меня больше в эту ночь не беспокоил. А на следующее утро в газетах появились сообщения об открытии новой международной детской организации под эгидой ХАБАДа. Сообщения сопровождалась эмблемой, над которой мы так славно потрудились прошедшей ночью. Единственной деталью, которую Ребе добавил, так сказать, без моего ведома, был лозунг «We Want Moshiach Now!»

Перевод с англ. Эли Элкин
Продолжение следует